

Геннадий Дорогов

*Последний
день Кали-
Юги*

роман

Геннадий Дорогов

Последний день Кали-Юги

«Издательские решения»

Дорогов Г.

Последний день Кали-Юги / Г. Дорогов — «Издательские решения»,

Несмотря на своё необычное название, данный роман не является эзотерическим, религиозным или философским трудом. В центре внимания — обыкновенный современный человек, отягощённый грузом жизненных неурядиц. Цепочка противоречивых событий и ситуаций, подчас драматических и даже трагических, приводит главного героя к новому пониманию окружающего мира и своего места в нём. Изложенные в романе взгляды и убеждения персонажей выражают точки зрения различных людей и не являются позицией автора.

© Дорогов Г.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Успеть на свой поезд	6
Глава 1. Из москвы с нелюбовью	6
Глава 2. История сергея плетнёва	14
Глава 3. Дети кали-юги	21
Глава 4. Адольф Гитлер и другие писатели	28
Глава 5. Исповедь павлухи	34
Глава 6. Окно в другой мир	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Последний день Кали-Юги

роман

Геннадий Дорогов

© Геннадий Дорогов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Успеть на свой поезд

Глава 1. Из москвы с нелюбовью

Мужчина с небольшим чемоданом в руке вышел из подъезда многоэтажки и остановился на крыльце. Лицо его было сердитым. Он сунул руку в боковой карман пиджака. Не обнаружив там привычной картонной коробочки, переложил чемодан в другую руку и проверил второй карман. И лишь потом вспомнил, что ещё перед поездкой в Москву скомкал и выбросил в урну последнюю пачку сигарет. Он тяжело вздохнул: вот так радость победы над собой вдруг оборачивается огорчением. Вспомнил, как тяжело было выдержать первые пять дней: организм настойчиво требовал привычного наркотика. Но, продержавшись неделю без вредной привычки, мужчина почувствовал, что некурящим жить проще и приятнее, и что минздрав прав хотя бы в одном: курение убивает. Стоило короткое время обойтись без никотиновой соски, как исчез, ушёл в небытие ежедневный надрывный кашель. Да и возраст всё чаще стал напоминать, что к здоровью следует относиться более бережно.

Но сейчас он жалел о том, что в кармане не нашлось ни одной сигаретки. Взвинченные нервы требовалось чем-то успокоить. Мужчина ещё немного постоял, глядя себе под ноги, потом поднял лицо и сердито бросил в пространство:

– Дрянь!

Он спустился по ступенькам и направился к тройке парней, стоящих поблизости, чтобы «стрельнуть» у них сигаретку. Парни курили, шумно обсуждая какую-то тему и обильно сдабривая свою речь ненормативной лексикой. Мужчина горько усмехнулся: мат стал неотъемлемой частью родной речи. Теперь его можно услышать где угодно, и никто никому не делает замечания. Да и само выражение «нецензурная речь» стало нелепым анахронизмом, поскольку цензуру давно упразднили. Впрочем, все давно к этому привыкли, и не стоит обращать внимания. Просто сегодня он взбудоражен и любой пустяк воспринимает болезненно. Однако курить расхотелось. Лучше пройтись пешком – и здоровью польза, и грустные мысли по дороге развеются.

Мужчина подошёл к молодёжи.

– Ребята, подскажите, как добраться до Казанского вокзала.

Парни стали объяснять, как пройти на остановку и на каком транспорте можно доехать, но мужчина прервал их.

– Лучше покажите, в какую сторону идти. Хочу пешком прогуляться.

Долговязый парень присвистнул.

– Да ты чё, отец! Это ж километров пять пёхом переть. А то и все шесть.

– Ничего, дойду.

– Может, у тебя денег нет? – спросил второй. – Скажи, дадим.

– Есть у меня деньги.

– Отберём, – сострил третий.

Троица весело расхохоталась. Мужчина подождал, когда они угомонятся, и опять задал вопрос:

– Так куда мне идти?

Долговязый переглянулся со своими приятелями и демонстративно пожал плечами, как бы выражая недоумение.

– Как говорится, охота пуще неволи, – он перевёл взгляд на приезжего и махнул рукой, указывая направление. – Вон в ту сторону топай. Ну, ты, батя, даёшь!

Третий из них, остряк, изобразив на лице сочувствие, сказал проникновенным голосом:

– Далеко топать. С чемоданом точно не дойдёшь. Лучше брось его здесь.
Все трое опять заготовали.

Мужчина усмехнулся.

– Спасибо... сынки! Уж как-нибудь...

Он пошёл в указанном направлении, с любопытством поглядывая по сторонам. Ему уже много лет не доводилось бывать в столице. Да и на этот раз он вряд ли мог бы позволить себе такую роскошь. Благо, очень кстати подвернулась возможность съездить в командировку. Прежде по командировкам разъезжала его жена, теперь уже бывшая. Она любила путешествовать. И больше всего ей нравилось наведываться в Москву. Москвой она грезила, неоднократно делаясь своими мыслями о том, что в нашем отечестве только этот город способен раскрыть перед человеком перспективы на счастливую, успешную жизнь. Из очередной командировки в столицу она не вернулась...

Мужчина тряхнул головой, отгоняя неприятные мысли, и вновь занялся созерцанием городского вида. Москва сильно изменилась. Как, впрочем, и большинство других городов. Он шёл, разглядывая старые здания и новые постройки, читая вывески и рекламные щиты – лишь бы отвлечься от своих горьких дум. Однако поймал себя на том, что все отвлекающие действия выполняет чисто механически, а мысли «на злобу дня» по-прежнему не отпускают его, держат в плену. Но вскоре произошло событие, полностью переключившее на себя его внимание.

Пересекая очередной двор, мужчина услышал поблизости сердитое звучание автомобильных клаксонов. Когда же он вышел на небольшую узенькую улицу, то понял причину дорожного концерта. Перегородив проезжую часть, по дороге шеренгами шагала экзотическая публика. Это были мужчины довольно странного вида: большинство по пояс голые, а многие в одних плавках или боксерах. У некоторых на торсах, руках, ногах и даже лицах красовались татуировки, изображающие подчас излишне вольные сцены жизни. Пирсинги, серьги в ушах, элементы женских нарядов – всё это красноречиво говорило о том, что представляет собой данная процессия. У двоих в руках были флаги с изображением радуги. Они шли, явно дурачась и дразня стоявших по обочине дороги невольных зрителей, не обращая внимания на яростное гудение клаксонов машин, которым они перекрыли движение.

– Поганый город! – раздался рядом гневный голос.

Мужчина повернул голову. Рядом с ним стоял пожилой, но ещё довольно крепкий человек высокого роста.

– Раньше, в советские времена, я любил бывать в Москве. Гордился своей столицей, – продолжал незнакомец, обращаясь к нашему герою. – А теперь – тьфу! Мерзость одна. Как вы тут живёте?

– Я приезжий, – сказал мужчина. – И вполне с вами согласен: не хотелось бы здесь жить.

– Значит, вы тоже нездешний? Из каких краёв прибыли?

– Из Сибири.

– А я с Урала. Сибирь и Урал – два региона в стране, где ещё осталось хотя бы немного от былой нравственности. Потому мы с вами и понимаем друг друга. Гляжу на это отребье, и страшно становится. Не дай, Бог, чтобы эта раковая опухоль пустила к нам свои метастазы.

– Как вы можете по кучке уродов судить обо всех москвичках? – с обидой в голосе вступила в разговор женщина лет сорока. – Вот я, к примеру, коренная москвичка, но меня такие зрелища возмущают не меньше, чем вас. Что мы, простые люди, можем сделать? Вот куда власть смотрит? Неужели не видит, что творится?

– Всё она видит. Только не зря говорят: ворон ворону глаз не выклюет. Такие же!.. – высокий незнакомец удержался от резкого эпитета, лишь сердито сплюнул.

Внезапно по толпе зевак прошло волнение. Народ расступился. Из ближайшего двора в образовавшийся в толпе просвет проскочила группа молодых людей в спортивной

форме и чёрных масках. Вооружённые бейсбольными битами, обрезками стальной арматуры и цепями, они яростно набросились на гордо шествующих гомосексуалистов. Шеренги смешались, в считанные секунды превратившись в подобие муравейника. Нападавших было втрое меньше, но они были вооружены, натренированы и психологически готовы к драке. Проезжая часть дороги превратилась в поле битвы, откуда неслись крики, ругань, стоны, смачные звуки ударов. Какое-то время геи пытались оказывать сопротивление, которое, однако, было очень быстро сломлено. Одному из шествующих, крупному накаченному верзиле, удавалось отбиваться от нападавших на него агрессоров. Он перехватил цепь у парня, пытавшегося его ударить, и рывком притянул противника к себе. Но схватить не успел. Тяжёлая бита с размаху угодила ему сбоку в лицо. Раздался противный хрустящий звук. Верзила рухнул, как подкошенный. К этому времени на асфальте уже тут и там в лужах крови валялись без движения, металась в агонии или пытались ползти избитые, изувеченные люди.

В толпе невольных зрителей нападение самозванных карателей было воспринято по-разному. Мужчины либо бесстрастно смотрели на побоище, либо откровенно злорадствовали. А женщины, шокированные жуткой сценой, в большинстве своём подняли крик и уже искренне сочувствовали пропагандистам однополрой любви, которых ещё несколько минут назад проклинали от всей души. Теперь же проклятия сыпались на головы их палачей.

– Атаc! – раздался громкий крик.

По-спортивному одетые парни мгновенно разбежались в разные стороны и, побросав своё оружие, скрылись во дворах. К месту кровавой расправы подъехали три полицейские машины, а вслед за ними кареты скорой помощи. Наблюдавшие за дракой прохожие стали быстро расходиться. Водители, совсем недавно требовавшие дать им возможность проехать, теперь без лишнего шума разворачивали свои автомобили, чтобы поскорее покинуть недоброе место. Те из зевак, кого полиция пыталась задержать в качестве свидетелей, отмахивались и пожимали плечами. Все оказались здесь только что. Никто ничего не видел.

Приехавший из Сибири мужчина также поспешил покинуть место побоища. Перспектива застрять в полицейском участке его ничуть не прельщала. Он торопливо шагал дворами в том направлении, в котором, если верить курившим во дворе парням, находился Казанский вокзал. Теперь в его душе бурлили совсем другие эмоции. Сцена жестокой расправы на время вытеснила личные переживания. Но легче не стало. В груди прочно засело ощущение гадливости, омерзения – сначала от вида самого аномального шествия обнимающихся и целующихся мужиков, а потом от их зверского избиения. В ушах всё ещё слышались звуки ударов, крики, стоны, визги. Перед глазами маячили изувеченные тела и лужи крови.

Он продолжал шагать, погружённый в свои мысли. А когда отвлёкся от них и вернулся к действительности, то заподозрил, что незаметно для себя изменил направление и, возможно, ушёл далеко в сторону. Мужчина огляделся, у кого бы спросить, куда идти. Но двор был почти пустынен. Почти, потому что неподалеку на лавочке сидел дед с густой седой бородой и, похоже, дремал, уронив голову на грудь. Одет он был в необычный для нашего времени наряд: белая льняная рубаха без ворота с коротким разрезом на груди, расшитая замысловатыми узорами и перетянутая поясом, похожим на толстую верёвку с бахромою на концах; белые льняные брюки. На голове старика, прихватывая длинные белые волосы, красовался резной деревянный ободок. Не хотелось его тревожить, но больше спросить было не у кого. Мужчина подошёл к старику.

– Дедуль, извини, что беспокою. Мне помощь нужна.

Дед поднял голову, и гостя столицы словно окатило тёплой волной. Старик был красив. По всему было видно, что ему отнюдь не мало лет – много, даже очень много. Но в лице его виделось что-то необыкновенное, завораживающее, притягательное. И глаза – яркие синие глаза, каких прежде видеть не доводилось. Они смотрели мягко, ласково, доброжелательно,

но, казалось, заглядывали в самую душу. Заглядевшись на старика, мужчина едва не забыл, зачем подошёл к нему.

Вопрос деда вернул его к реальности:

– Помощь нужна, говоришь? Ну-ну! Может быть, и помогу. Так что за нужда привела тебя сюда?

– Я, кажется, сбился с пути...

– Это бывает. Люди часто сбиваются с пути. Особенно в последнее время.

– Да я не о том, – мужчина нетерпеливо мотнул головой. – Мне показали направление, а я задумался и, кажется, отклонился в сторону. Теперь вот сомневаюсь, что той дорогой иду.

Дед хитро улыбнулся:

– Сомневаешься? Это хорошо. Это ты правильно делаешь. Потому, как и в самом деле отклонился от своего пути.

– Так я и думал, – мужчина вздохнул и вдруг спохватился. – Постой, а разве я сказал тебе, куда иду? Что-то не припомню.

– И то верно – не говорил, – согласился дед.

– Чего тогда мне голову морочишь?

– Так ведь, по большому счёту, все мы идём к одной конечной станции. Только вот приходим к ней разными дорогами. Одни – той, другие – не той.

От странных слов старика стало немного не по себе. О чём он говорит? Имеет в виду что-то конкретное или философствует на общие темы, изображая мудреца?

– О какой станции говоришь, дедуля?

Дед прищурил глаза.

– Ты ведь на вокзал спешишь? Верно?

– Верно, – пробормотал мужчина.

Сначала он слегка опешил. А потом всё понял и рассердился – и на себя, и на старика. Ведь всё предельно ясно. Ну, куда ещё может спешить человек, по всему видно, приезжий, да ещё с чемоданом в руке? «Так что никакой мистики. Расслабься, дорогой!», – подумал он. И вновь услышал голос старика:

– Ступай прямо на запад. Там Казанский вокзал.

Мужчина вновь опешил, на этот раз не найдя разумного объяснения осведомлённости старика. Вроде бы понятно: Казанский вокзал находится где-то поблизости. Но ведь на одной площади с Казанским расположены ещё два вокзала – Курский и Ярославский. Как же дед узнал, какой из них нужен совершенно незнакомому человеку? Неужели просто угадал? Он хотел напрямую задать вопрос, но дед его опередил, сказав:

– Нет у тебя времени на разговоры. Поспеси, иначе твой поезд уйдёт.

Не скрывая удивления, приезжий мужчина во все глаза смотрел на необыкновенного старого человека. Неужели всё это происходит наяву? Или он бредит? Может быть, в той недавней драке и ему стукнули битой по голове, а он и не заметил?

Мужчина облизнул пересохшие губы.

– А... где тут... запад? – спросил он.

Старик указал рукой.

– Туда иди. Это та самая, твоя дорога. Иди по ней, и ты успеешь на свой поезд.

Не сводя со старика глаз, мужчина попятился в указанном направлении. Потом повернулся и в быстром темпе зашагал. Пройдя буквально несколько метров, подумал, что две-три минуты ни на что не повлияют. Он решил вернуться, чтобы задать беспокоящие его вопросы, но... таинственного деда во дворе уже не было.

* * *

Однако следовало не только успеть на поезд, но и приобрести билет, которого в кассе могло уже и не быть. К его удивлению билеты на нужное ему направление продавались, а очередь в кассу была небольшой. Уже через пять-шесть минут приезжий сибиряк понял, что совет незнакомого деда поторопиться на вокзал был не зряшным. Стоило ему занять своё место в очереди, как в кассовый зал хлынул народ. За короткий промежуток времени вереница желающих приобрести билеты превратилась в длинный извилистый хвост. Но были и другие удивительные моменты. Когда за спиной мужской голос спросил, кто последний в очереди, мужчина обернулся и увидел высокого человека лет пятидесяти... в расшитой узорами льняной рубахе без воротника, подпоясанной верёвкой с бахромою на концах. У незнакомца была густая, но аккуратно постриженная борода, и длинные вьющиеся волосы, прихваченные вокруг головы деревянным ободком. За спиной дорожная сумка-рюкзак. Голубые глаза смотрели мягко и доброжелательно, а от всего его облика веяло умиротворённостью и несокрушимым спокойствием. Возможно, подобное совпадение и не вызвало бы большого удивления, не будь беседа со стариком такой странной и необычной. «Иди по ней, и ты успеешь на свой поезд», – вспомнились его слова. И вот за спиной стоит более молодая и крупная копия старика, только вместо льняных брюк потёртые джинсы.

Народ в кассовый зал прибывал. Мужчина бросил взгляд на растущую на глазах очередь. Хмурые, сердитые, обеспокоенные лица. Он усмехнулся: вот она, реальность! А то начал забивать свою голову разной чепухой. Ведь если здраво рассудить, то ничего сверхъестественного в разговоре с дедом не было. Ну, покуражился немного старый чёрт над приезжим человеком. Чем ему ещё заняться от скуки? А что касается такого же необычного, как и у старика, наряда соседа по очереди, то и тут нет ничего удивительного. Мало что ли их нынче – ряженных. Сначала как грибы после дождя стали появляться казачьи отряды. Возьми любой заштатный городишко – там обязательно найдутся казаки. Теперь вот эти, внуки божьи – славяно-арии. Что там дед говорил про свою дорогу? Что-то толковое, разумное. Сейчас многие так говорят. Книжки пишут об этом. Оно и понятно: тема модная, пользуется спросом. Устали люди от современной жизни с бесконечной погоней за материальными благами. Устали от зависти, лжи, подлости. Только вот, наряжаясь в традиционные одежды, древних традиций не вернёшь. Надо в корне менять человеческую психологию, развращённую соблазнами цивилизации. А это дело не простое, практически невозможное. Так что лучше вынырнуть из облаков и вернуться на грешную землю.

Вскоре подошёл его черёд. Он подал кассиру паспорт и деньги.

– Один до Новокузнецка.

Девушка раскрыла документ.

– Веселов Ярослав Григорьевич, – прочла она вслух и подняла на покупателя искрящиеся смехом глаза. – Ну что, господин Веселов, оправдываете свою фамилию? Весёлая жизнь у вас?

– Обхохочешься.

– Что-то я не слышу в вашем голосе оптимизма.

– А я не вижу для него оснований.

– Значит, живёте вы не слишком весело, – говорила кассир, параллельно занимаясь своей работой. – Не огорчайтесь, Ярослав Григорьевич! К проблемам надо относиться спокойно. Плюньте на неприятности. Они ведь, если разобраться, только в нашей голове существуют. Жизненная дорога у нас не такая уж и длинная, и конечная станция одна для всех. Так что лучше шагать по этой дороге с улыбкой на лице, а не с кислой миной.

Она подала Веселову паспорт с вложенным в него билетом.

– Счастливого пути!

Ярослав Григорьевич наклонился к окошечку.

– Это куда же вы мне пожелали счастливого пути? К общей для всех конечной станции?

Девушка-кассир засмеялась.

– Ну, если вы ещё способны шутить, то не всё потеряно.

Отойдя от кассы, Веселов взглянул на часы. Времени до отправления поезда оставалось не слишком много, но можно было успеть зайти куда-нибудь перекусить. Он зашёл в привокзальное кафе, заказал обед и занял место за столиком. В голове звучал недавний разговор с кассиром. Ведь девушка, по сути, в чём-то повторила слова загадочного старца во дворе. Но долго размышлять о странных совпадениях сегодняшнего дня ему не пришлось. Занимавший за ним очередь в билетную кассу бородач в традиционном русском наряде подошёл к столику, держа в руках поднос.

– Не помешаю?

Веселов безразлично пожал плечами.

– Садитесь.

Незнакомец поставил поднос, снял заплечную сумку и расположился за столиком.

– Если я правильно расслышал, вас зовут Ярослав Григорьевич? – спросил он.

– Вы правильно расслышали.

– Позвольте представиться: Плетнёв Сергей Валентинович.

– Очень приятно, – буркнул Веселов.

У него не было ни малейшего желания общаться с кем-либо, тем более с людьми, которых он считал слегка «не от мира сего». Но Плетнёв словно не замечал его мрачного настроения.

– Хорошее у вас имя. Исконно русское, древнее. Повезло вам, – говорил он мягким, добродушным голосом. – А мне досталось самое обычное. Отец так назвал в честь деда.

– В чём же проблема? – отозвался Веселов, не скрывая иронии. – Сейчас можно при желании поменять своё имя. Уже появились разные Святославы, Ярополки и... прочие «носители славяно-арийской культуры». В общем, кто на что горазд.

Он искоса бросил взгляд на собеседника, полагая, что тот почувствует сарказм и обидится. Но Плетнёв лишь улыбнулся.

– Нет, зачем же? Мне это имя дал родитель. Я с ним прожил сорок девять лет. Пусть остаётся.

– Ага! Значит, те, кто решил переименоваться, поступают неуважительно по отношению к своим родителям?

– У каждого своя точка зрения и своё понятие о том, что правильно и что неправильно.

– То есть у каждого своя правда? В любой ситуации?

– Совершенно верно. Каждый видит ситуацию под своим углом. Исходя из своего личного опыта, воспитания, характера. Интересы, если угодно.

– Да, интереса... – Веселов помрачнел. – Мне эта тема хорошо знакома. Человек до хрипоты доказывает свою правоту, а вся его правота основана на желании урвать кусок, да пожирнее. Притом, что его личный опыт, характер и... что там ещё?... ах да, воспитание, убеждают, что шкурный интерес важнее всего. Совесть, порядочность, человечность – всё побоку.

Он умолк, захлестнутый волной эмоций.

– У вас, как я понимаю, неприятности, – осторожно спросил Плетнёв после небольшой паузы. – Не хотите поделиться?

– Да уж, неприятности, – Веселов усмехнулся. – К несчастью, квартирный вопрос испортил не только москвичей. Но и тут, как видите, без Москвы не обошлось.

– А если подробнее?

– Подробнее?... – Ярослав Григорьевич на минуту умолк, погружённый в свои мысли, потом встрепенулся. – Подробнее, – повторил он. – Вот, представьте, жили два человека под одной крышей. И, надо сказать, неплохо жили. Случались, конечно, разногласия. Как без этого.

У каждого свой характер, свои взгляды и привычки. Но было понимание и, главное, доверие. Словом, две половинки, нашедшие друг друга. Так мне казалось. А потом одна из половинок в поисках лучшей доли перебралась жить в столицу – нашла себе обеспеченного спутника жизни. У него роскошные апартаменты, престижный автомобиль. В общем, не бедствует. Для своей новой возлюбленной он купил отдельную квартиру и машину подарил ей. Но и этого ей оказалось мало. Теперь она пытается отсудить у меня нашу общую квартиру.

– То есть она хочет взять свою долю?

– Если бы! Нашу жилплощадь бывшая супруга решила оставить своей дочери. Полностью.

– А как же вы? Что-то же она предложила взамен?

– Ничего. Моя судьба, как оказалось, её совершенно не волнует.

Сергей Валентинович немного подумал, затем сказал:

– Мало ли что она решила. Есть закон. А он, как я понимаю, будет на вашей стороне.

Его аргументы не прибавили собеседнику оптимизма.

– А ещё есть опытные крючкотворы и грязные методы, – мрачно заметил Веселов. – Поговорка про закон и дышло не вчера придумана.

– Понятно: её новый спутник жизни имеет средства и связи, – Плетнёв грустно улыбнулся. – А мы с вами, оказывается, друзья по несчастью.

Ярослав удивлённо вскинул на собеседника глаза. Ну и денёк! Одни сюрпризы.

– У вас тоже отбирают квартиру? – спросил он.

– У меня хотят отнять землю. Ну и, соответственно, всё, что на ней построено. Так что я тоже рискую остаться без крыши над головой.

– Вы в связи с этим приехали в Москву?

– Да.

Ярослав невесело рассмеялся, качая головой.

– Однако! Но хоть, надеюсь, вас-то не супруга прокатывает?

– К счастью, нет.

– Кто же, если не секрет?

Плетнёв пожал плечами.

– Если верить официальным лицам, то государство, – Сергей взглянул на часы. – Однако нам надо спешить. Надеюсь, у нас ещё будет возможность поговорить. В вашем билете какое место указано?

Как и ожидалось, им достались соседние места в одном вагоне. Взяв свой небольшой багаж, мужчины пошли на перрон.

Женский голос из репродуктора сообщал будущим пассажирам необходимую информацию, после чего стал подробно инструктировать их, как следует вести себя при обнаружении бесхозных вещей, в которых может оказаться взрывное устройство.

– Дожили, мать их ети! – послышался поблизости знакомый голос. – Каждый день талдычат об этом. Словно не в мирное время живём. При советской власти я за всю жизнь ничего подобного не слышал.

Веселов повернул голову и увидел уже знакомого ему пожилого мужчину с Урала, с которым он успел перекинуться парой фраз во время шествия гомосексуалистов. Окликать не стал. Похоже, уральский гость приобрёл билет в этот же вагон. Ярослав даже не удивился такому совпадению. Или сегодня действительно необычный день, или мир слишком уж тесен. Только что прозвучавшая гневная тирада повисла в воздухе. Никто не отозвался. Люди были заняты связанными с поездкой хлопотами. Ни грозное предупреждение, ни горький комментарий не привлекли их внимания. К угрозе взрывов привыкли так же, как и к ненормативной лексике. Уже объявили посадку. Пассажиры прощались с провожающими, подходили к вагонам, таща

за собой здоровенные баулы и чемоданы на колёсиках. Вслед за другими Ярослав и Сергей прошли в вагон и заняли свои места.

Глава 2. История сергея плетнёва

Поезд уже набрал скорость, монотонно стуча колёсами. Вагоны плавно покачивались, словно желая убаюкать сидящих в них пассажиров. Но день лишь начал клониться к вечеру. Спать никому не хотелось. Волею случая оказавшиеся вместе в замкнутом пространстве плацкартного вагона люди знакомились и заводили между собой обычные дорожные разговоры. Другие играли в карты. Третьи читали книги. Четвёртые выпивали. А кто-то просто смотрел в окно, любясь проплывающими мимо пейзажами.

Соседями наших героев по вагонному отсеку были двое мужчин тридцати-тридцати пяти лет. Они забрались на верхние полки, и их практически не было слышно. Сергей и Ярослав сидели за столиком, глядя в окно.

– Что-то в горле пересохло, – сказал Плетнёв. – Схожу-ка я за чаем.

Он ушёл и вскоре вернулся с двумя стаканами, один из которых предложил Ярославу. За чаепитием Веселов спросил:

– Так что у тебя за проблема с землёй? Почему её хотят отобрать и на каком основании?

– Тут такое дело, Слава, – начал рассказ Сергей. – Жили мы с женой Катериной в Новосибирске, практически в центре города. Да случилось так, что пришлось всё продать и сменить образ жизни. В общем, возникла необходимость перебраться на природу. Поездили мы с Катей, поискали подходящее место и через какое-то время нашли. Там и застолбились. Уютный участок земли около пяти гектаров площадью, огороженный с одной стороны лесом, а с другой болотом. Катя как увидела то место, сразу сказала: «Здесь будет наш дом». На том и порешили. Не откладывая в долгий ящик, начали обустраиваться.

– Это что, вроде Стерлиговых? – спросил Ярослав.

– Да, вроде того.

– И что, просто взяли землю – и никаких проблем?

– Вот уж чего хватило с избытком, так это проблем, – сказал Сергей с прежним спокойствием. – Понятно, что просто так землю не возьмёшь. Надо её как-то узаконить. Побегал я по чиновничьим кабинетам. Сначала никто ничего слушать не хотел. Некоторые прозрачно намекали, что вопрос можно решить определённым образом. У меня, конечно же, таких средств не было, нет и вряд ли будут. Но всё равно почему-то был уверен, что с землёй всё получится. А потом узнал, что на эту тему уже книжки написаны, что в народе движение началось. В общем, поначалу мне и разрешения официального не дали, и запрещать не стали. Мол, живите пока так, а дальше видно будет.

Попутчики на верхних полках, заинтересованные разговором, теперь внимательно слушали, свесив головы.

– И ты начал строить дом, не имея никаких гарантий? – удивился Ярослав. – Это же крайне неразумно!

Плетнёв ответил ему с широкой, по-детски светлой улыбкой:

– Построил дом, баню и всё прочее, что необходимо. Посадили сад: плодовые деревья, ягодные кустарники. Прижилось даже то, что в наших краях не растёт. И дело нашли, чтобы себя и двух дочек прокормить, обусть и одеть. Сейчас девочки выросли, взрослыми стали. И вот в прошлом году наконец-то удалось оформить долгосрочную аренду.

– Значит, всё же получилось?

– Получилось. Только радовались недолго. В конце мая нас навестили чиновники из областной администрации и потребовали освободить участок.

Пассажиры с боковых полок – мужчина и женщина, оба пенсионного возраста – тоже заинтересовались разговором и подсели рядом. Плетнёв продолжал:

– Я показал документы на аренду, но мне ответили, что договор утратил силу в связи с тем, что в настоящее время нет закона, чётко определяющего мои права на землю. Дали срок три месяца. Я сначала пытался найти правду в Новосибирске. Бесполезно. Вот, поехал в Москву. Думал, там чего-нибудь добьюсь.

Один из пассажиров на верхней полке – тот, что выглядел помоложе – хмыкнул.

– Добился? – спросил он насмешливо.

Веселов рассердился: какого чёрта этот тип влезает в чужой разговор. Его-то кто спрашивал? Но Сергей Плетнёв, как видно, привык на всё реагировать с неизменной мягкой улыбкой, с которой и на этот раз обречённо развёл руками.

– Увы.

– Слушай, а они как-то объяснили свой наезд? – задал очередной вопрос Ярослав. – Ведь если потребовали освободить землю, значит, она им зачем-то понадобилась.

Сергей неопределённо дёрнул плечом.

– Толком ничего не сообщили. Всё упирали на то, что моя территория попадает в сферу государственных интересов и имеет стратегическое значение.

– Фу-ты, ну-ты! – фыркнул парень на верхней полке. – Пять гектаров в Сибири между лесом и болотом – стратегическое значение! Наверное, поставят там баллистическую ракету, а в болото атомную подлодку запустят.

Шутка вызвала улыбки на лицах присутствующих. Парень продолжал:

– Лапшу они тебе на уши вешают, сто пудов. Государственный интерес – надо же! Кто-то увидел возможность нагреть руки на твоём участке. Вот и вся стратегия.

– Простите, что вмешиваюсь, – осторожно сказал мужчина, подсевший с боковой полки, обращаясь к Плетнёву, – но вы хотя бы приблизительно можете предположить, какой интерес у чиновников может вызвать ваш земельный участок? Кстати, позвольте представиться: Шонберг Иван Соломонович.

Остальные тоже представились друг другу. Женщину звали Нина Аверьяновна. Молодой мужчина с верхней полки, принявший участие в разговоре, назвался Сержем, а другой – Павлухой.

Шонберг вернулся к своему вопросу:

– Так что вы думаете об этом?

– Как я понял из окольных разговоров, мой участок никому не нужен, – ответил Сергей Плетнёв. – Просто он оказался на пути к чему-то важному. А другого пути нет или он очень неудобен.

– В таком случае, Серёга, – панибратски, не смотря на значительную разницу в возрасте, заговорил Серж со своей полки, – дело твоё безнадежное.

Все уставились на него.

– Это почему же? – спросил Плетнёв.

– Ну, не совсем безнадежное, – поправился Серж. – Тут всё зависит от того, как себя поставить. Если с умом – можно что-нибудь урвать для себя. А если сглупишь, то останешься ни с чем.

– А нельзя ли поподробнее? – спросил Иван Соломонович. – Уж очень интересно вы рассуждаете.

– Да, объясните, пожалуйста, почему вы так уверены, что у Сергея Валентиновича нет возможности сохранить свою землю? – подала голос Нина Аверьяновна.

– Да что вы как дети малые? – искренне удивился Серж. – Тут и ежу понятно. Кто не понял, объясняю: за участком Сергея, похоже, обнаружили что-то ценное. Возможно, природные залежи: дорогой металл, камешки или ещё что – не важно. Важно то, что самый удобный или даже единственный путь к заветному месту лежит через Серёгину землю. А поскольку

в наше время государственные интересы означают чей-то конкретный карман, то шансов спасти свой участок у Серёги нет.

– Значит, считаешь, что перспектив у меня никаких? – спросил Плетнёв.

– Ну, не совсем так. Вас же не станут просто так сгонять с земли. Попробуют договориться по-хорошему. Деньги предложат. Можно немного поупираться, чтобы цену поднять. Тут главное вовремя остановиться. Если в этом деле Москва завязана, значит, бабки ожидаются очень большие. Стало быть, скупиться не станут. Я думаю, на пять-шесть деревянных лимончиков можно рассчитывать. А на эти деньги ты в своём Новосибирске и хату приличную можешь приобрести, и тачку обновить.

– А если я не соглашусь?

– А куда ты денешься?

– Да вот никуда не денусь. Останусь на своей земле.

– Останешься, – хмыкнул Серж. – Только не на земле, а в болоте. Вместе с женой и дочками. Вас даже искать никто не станет. Взрослый мужик, а рассуждаешь...

Не закончив фразы, он отвернулся к стенке, давая понять, что не намерен продолжать этот глупый разговор.

Повисла гнетущая пауза.

* * *

Молчавший до сей поры Павлуха свесил голову с полки и спросил:

– Слышь, Сергей, а зачем тебе так нужна эта земля? Чем в городе хуже? Я вот пожил девять лет на природе, мне не понравилось. Зимой снег непролазный. Летом насекомые заедают. А у тебя там болото под боком – рай для кровососов. Чего в городе не жилось?

– Так получилось, – сказал Сергей задумчиво.

Было видно, что слова Сержа его озадачили, но не вывели из равновесия. Ярославу всё больше нравилась его способность сохранять невозмутимое спокойствие в любой ситуации.

– Вы говорили, что вам пришлось перебраться на природу, – напомнила Нина Аверьяновна, сделав акцент на слове «пришлось». – Была серьёзная причина?

– Да, – подхватил Павлуха. – Что заставило бежать из города? С ментами не поладил или с крутыми?

Плетнёв опять не удержался от улыбки. Потом стал серьёзным.

– Нет, к счастью, обошлось без криминала. Причина проста и в то же время необычна. Катюша, жена моя, заболела. У неё обнаружили рак желудка. Требовалась операция. Но она наотрез отказалась. Не хотела, чтобы её резали. Говорила: «Как Бог порешит, так и будет». Сам-то я в то время в Бога не верил.

– А сейчас веришь? – послышался с верхней полки голос Сержа.

– Я просто знаю, что он есть, – ответил Сергей. – По большому счёту, все мы верим в Бога, только не все признаёмся себе в этом.

«Интересно, – подумал Ярослав. – Получается, я тоже верю в Бога, но боюсь себе в этом признаться? А разве не может быть такого?».

– И что, помог Боженька твоей супруге? – спросил Серж с нескрываемым ехидством.

– Да, помог, – сказал Плетнёв спокойно, словно не заметил насмешливого тона собеседника. – Если ты позволишь, я расскажу по порядку.

– Действительно! Чего вы влезаете? – возмутилась Нина Аверьяновна. – Мешаете человеку рассказывать.

– Да ладно, пусть рассказывает, – охотно согласился Серж. – Я под сказки хорошо засыпаю.

– Не обращайтесь на него внимания, – сказала женщина Плетнёву. – Что же дальше-то было?

– Не волнуйтесь, я не обиделся, – ответил Сергей. – Каждый имеет право на свою точку зрения. А к Богу все мы приходим в своё время. Одни раньше, другие позже.

– Ну, уж меня-то ты в религию хрен затянешь, прости меня, Господи! – отозвался Серж. – Ты ещё Павлуху туда потяни, а я посмотрю, что из этого выйдет.

– А я верю в Бога, – неожиданно сказал Павлуха.

– Что?! – удивился Серж. – Ты-то туда чего подался?

– А я ещё не подался. Дороги не знаю. Не нашёл пока.

– Чего её искать. В каждом городе церковей понастроили. Скоро их станет больше, чем жилых домов.

– Да был я в церкви, и не в одной, – недовольно отмахнулся Павлуха. – Свечки жёг. Лоб крестил. Да только не почувствовал я там Бога. А ты, Сергей, чувствуешь Бога в церкви? – спросил он, обращаясь к Плетнёву.

– Я не хожу в церковь, – ответил Сергей.

– Простите за любопытство, – заговорил Иван Соломонович. – Вы по вере язычник? Я сужу по вашему одеянию.

Сергей немного подумал, прежде чем ответить:

– Это правда, но лишь отчасти. Мы чтим традиции наших далёких предков. Но у меня своё понимание Бога. Не уверен, что смогу объяснить...

– И не нужно, – подвела черту под разговором Нина Аверьяновна. – Пусть каждый понимает Бога по-своему. А вы расскажите про свою супругу. Уж больно интересно, чем всё закончилось.

– Хорошо, – Сергей собрался с мыслями и продолжил свой рассказ. – Пытался я уговорить Катю в больницу лечь, да всё бесполезно. А болезнь прогрессировала. Моя жена-красавица увядала на глазах. Тихая стала, словно тень. Я не знал, что делать. Дочки ещё маленькие. Уже подумывал о том, чтобы увезти её силой, да всё не решался. Катя старалась не показывать своих страданий. Занималась делами, словно ничего не произошло. Но ведь всё до поры – до времени.

Как-то прихожу домой с работы, а Катерины дома нет. Ну, думаю, вышла во двор на солнышке погреться. Май на дворе, теплынь. Пошёл искать, а её нигде не видеть. Обошёл все близлежащие дворы, в магазины заглянул – нету. И телефон не отвечает. А потом она сама позвонила: мол, не волнуйся, со мной всё в порядке, скоро буду. Я рассердился. Ну, думаю, придёт – нагоняй получит. А она приходит с такой ясной, светлой улыбкой, что у меня весь боевой настрой разом пропал. «Не сердись, – говорит. – Захотелось мне сегодня пройтись. Да, видно, неспроста появилось у меня такое желание. Сам Бог велел мне прогуляться». Я, конечно, ничего не понял, стал расспрашивать.

И вот что Катя рассказала:

«Иду я, Серёжа, сама не знаю куда. Ноги словно сами меня несут. А солнышко светит ласково, птички щебечут. И так умирать не хочется! А боль то отпустит, то опять вернётся. И вот прохожу я чужим двором, а там на скамейке дедушка сидит. Одет странно, не по-современному. А у меня как раз очередной приступ. Дедуля и окликает меня:

«Присядь, милая, отдохни».

Я и присела рядышком. А он спрашивает:

«Худо тебе, голубушка?»

«Худо, дедушка. Очень худо», – отвечаю.

«Что же ты к врачам за помощью не обращаешься?».

«Обращалась я к врачам. Говорят, что операцию срочно делать надо».

«И что ты решила?».

«Да вот не могу я решиться».

«Стало быть, не веришь медицине?», – опять спрашивает он.

«Не знаю, – говорю. – Сама ничего не знаю. Только вот словно противится во мне что-то. Страх, наверное».

«Это душа твоя противится, – объясняет дед. – Она, душа-то, знает, как правильно. Да разучились люди слышать душу свою. Всё больше на ум полагаются. Оттого и столько бестолковостей в мире творится».

Странными, необычными показались мне его слова, но только совсем не пустыми и не глупыми.

«Как же быть мне, если я подсказок своей души не слышу? На операцию идти боюсь, а что делать – не знаю».

«А ты меня послушай. Я ведаю, что тебе поможет».

У меня в душе надежда всколыхнулась. Что-то было в этом дедушке притягивающее, завораживающее, словно в добром волшебнике.

Спрашиваю:

«Что же меня может спасти, дедушка?».

А он отвечает:

«Корни. Корни тебя спасут».

Я сразу же ухватилась за совет, стала уточнять:

«Какие корни? От каких растений?».

Он так хитро на меня посмотрел.

«Об этом они сами тебе расскажут, когда научишься с ними разговаривать. А пока ты свои корни должна найти».

«Свои? – спрашиваю удивлённо. – Где же я их найду?».

«В земле, голубушка, – отвечает дед. – Где же ещё корням быть, как не в земле?».

«А где искать эту землю, в которой мои корни?».

А он пожимает плечами и опять улыбается.

«То мне неизвестно. Да и зачем спрашиваешь меня о том, что сама знаешь?».

Я ещё больше удивилась.

«Но я не знаю! Я даже представить себе не могу, где искать свою землю».

Дедушка перестал улыбаться и посмотрел мне в глаза. А глаза у него синие-синие, словно васильки в поле. И так на душе вдруг стало светло и спокойно от его глаз. А он говорит мне:

«Это голова твоя ничего не знает. Потому часто подсказывает неверные решения. Не её слушай, а сердце своё. Сердцу всё ведомо. Научись слышать его. Оно не обманет».

И знаешь, Серёжа, показалось мне, что услышала я своё сердце. Закрыла глаза, и словно картинку увидела: поляна с сочной зелёной травой; рядом лес – есть лиственные деревья, но больше хвойных; а с другой стороны – ни то озеро, ни то болотце – у берега осока тянется из воды. Хотела я дедушке рассказать о своём видении. Открыла глаза, а его уже нет».

Сергей умолк, погружённый в свои воспоминания. На лице его светилась нежная, трогательная улыбка. А Ярослав, потрясённый только что услышанным рассказом, вглядывался в лица попутчиков, пытаясь определить, как они восприняли историю. Сам он, услышав такое вчера, не очень-то поверил бы, сочтя встречу со странным дедом большим воображением измученной страданиями женщины. Но теперь всё воспринималось совершенно иначе. Иначе, потому что с таким же дедом он не далее, как сегодня, встретился сам. Конечно, старик не мог быть тем же самым. Расстояние между Москвой и Новосибирском приличное, не для преклонного возраста. А с другой стороны, почему бы не предположить, что дед был тот же самый?

Как же другие слушатели отнеслись к странной истории?

Лица Павлухи Ярослав не видел, так как полка, на которой тот лежал, находилась над головой. Серж откровенно ухмылялся, и Веселов поразился тому, что Сергей не видит его лица. Иван Соломонович сидел с задумчивой улыбкой, словно заглядывал внутрь себя самого или вспоминал что-то далёкое и светлое. Трудно было понять, поверил ли он услышанной истории или нет. Но рассказ зацепил его, затронул душу. А Нина Аверьяновна, затаив дыхание, смотрела на Плетнёва с трепетным ожиданием продолжения.

– Что же дальше было? – спросила она взволнованно.

* * *

Сергей встрепенулся.

– Ах да! Так вот, выслушал я Катюшу, и душа моя слезами облилась. И раньше понимал, чувствовал, как ей плохо, а тут меня словно самого пронзило насквозь. В рассказ её, честно говоря, не очень поверил. Далёк я был от этой темы. Это я сейчас понимаю, что ничего Катя не выдумала. А тогда решил, что либо заснула она во дворе, и сон ей такой привиделся, либо из обычного разговора с незнакомым стариком сочинила необычную историю. Положение у неё – врагу не пожелаешь. А она смотрит на меня ясным взором и спрашивает:

«Серёженька, поедem искать нашу землю?»

А я держусь из последних сил. Боюсь, лишь чуточку расслаблюсь – и слёзы ручьями побегут по щекам. Говорю ей:

«Поедем, милая».

«Как думаешь, найдём мы её?».

«Обязательно найдём».

Смотрю на неё – в чём только душа держится. Уж какая там земля! Но если появилась у неё надежда, значит, надо поддержать. Взял на работе отпуск – спасибо начальнику, вошёл в моё положение. Поехали мы с Катериной землю искать. Не знаю, каким образом она определяла направление, да только на второй день мы увидели тот участок земли, который привиделся ей во дворе. Удивительно! Однако поначалу мне было не до этого. Всё боялся, что застрянем. Дороги там нет, да ещё болото рядом. Но обошлось.

Поставил я палатку на поляне. Намазался мазью от кровососов. Комары тучей висят, аж гул в воздухе стоит. Да к тому же поздняя весна – самое время активности клещей. А Катя бродит среди деревьев, прижимается к стволам, шепчет что-то. Словно ожила, на щеках румянец появился. И тут я понял, что буду здесь строить дом. Поверил, что именно это место спасёт жизнь моей супруги.

– Офигеть! – раздался голос с верхней полки.

Все повернули голову на Сержа. А тот, лёжа на спине и пялясь в потолок, стал лениво растолковывать:

– Наш Сергей, как я понимаю, пишет сказки. И сейчас мы дружно прослушиваем его новое творение. Ну, сами подумайте: болото и здоровье – вещи несовместимые. А у него получается наоборот.

– Ну, почему же... – начала, было, возражать Нина Аверьяновна и умолкла, вопросительно глядя на Плетнёва.

– Да это, в общем-то, и не болото в привычном понимании, – ответил Сергей. – Скорее, мелкое озеро. Дно мягкое, податливое, словно травой застеленное. Но топей и хлябей нет. И вода чистая, прозрачная.

– И что же ваша супруга? – спросил Иван Соломонович. – Избавилась от болезни?

– Да. Выздоровела моя Катюша. Расцвела – краше прежнего стала. Не сразу, конечно. Сначала я там поставил летний домик. Когда отпуск кончился, хотел забрать жену в город, но она наотрез отказалась. Попросила только на выходные дочек привезти. Я первую неделю

места себе не находил. Боялся, что не увижу свою любимую живой, хотя и надеялся на лучшее. Сейчас-то проще: позвонил, и всё стало ясно. А тогда сотовая связь ещё только начинала развиваться. Когда же вновь приехал туда, удивлению моему предела не было. Катя встретила меня с радостной улыбкой. Слаба ещё была, но всё же выглядела бодрой и весёлой. Девочкам нашим место тоже понравилось. Поначалу часто мазались кремом от комаров, но потом привыкли.

Серж свесился с полки с ехидной физиономией. Видимо, хотел отпустить очередную остроту, но передумал и вновь улёгся на спину. А Сергей продолжал:

– Так мы на семейном совете и порешили, что будем здесь жить. К осени я поставил новый бревенчатый дом. Мы продали квартиру и всей семьёй переехали на новое место. Дочерей перевели на домашнее обучение. Теперь дочки выросли, заневестились. Старшая, Снежана, на меня похожа. И характер мой. А младшая, Валентина, копия Катерины. И такая же целеустремлённая, твёрдая, хотя с виду не скажешь.

Послышался голос проводницы. В вагоне началось заметное оживление. Поезд сбавлял ход, приближаясь к очередной станции.

Глава 3. Дети кали-юги

Утро следующего дня выдалось хмурым. За вагонным окном раскинулась равнина – степи и поля с приютившимися на их просторах небольшими группами деревьев и лесочками. В пасмурную погоду с её мягким освещением красота российской равнины, лишённая контрастов, казалась ещё более впечатляющей.

Соседи по отсеку, сидя на нижних полках, сонно любовались проносящимися мимо них пейзажами. В утренней дремотной атмосфере заводить разговоры никому не хотелось. Разве что изредка для приличия перекидывались общими, ничего не значащими фразами. Но очень скоро сонное состояние пассажиров было нарушено.

На одной из станций в вагон ввалилось четверо парней. Опухшие злые лица и сильный запах алкоголя заставляли других пассажиров опасно отходить в сторону, чтобы не оказаться на пути этой четвёрки. Парни прошли чуть дальше по проходу и заняли отсек неподалеку. Вскоре оттуда послышались возмущённые голоса, а следом ругань и угрозы. Сердито ворча, мужчина и две женщины перешли на другие места. Расположившаяся на их местах компания, судя по доносящимся звукам, приступила к «продолжению банкета».

– Однако, скучать нам не придётся, – усмехнулся Ярослав.

– Это точно, – отозвался Плетнёв. – Вряд ли они скоро уgomонятся.

– Да пусть шумят, – с тревогой в голосе сказала Нина Аверьяновна. – Лишь бы не хулиганили.

– Бухаловом не обойдётся, – заключил Павлуха с видом знатока. – Кипиш будет по полной программе.

Нина Аверьяновна вопросительно взглянула на соседа – Ивана Соломоновича.

– Что будет?

Тот пожал плечами.

– Кипиш, если я правильно понял.

– Чего вы опять закудахтали? – послышался сверху голос Сержа (он вновь забрался на полку). – Нас тут пятеро мужиков. К нам не полезут.

Он повернулся к стене лицом, демонстрируя своё хладнокровие. Поезд набирал обороты, а вместе с ним набирало обороты разгульное, разнузданное веселье пьяных отморозков. Встревожённая проводница прошла по вагону и о чём-то поговорила с беспокойными пассажирами. На какое-то время стало тише. Но ненадолго. Поводом для куража послужило появление хорошенькой девушки, проходившей по вагону со стаканом в руке. Один из выпивох преградил ей дорогу.

– Заруливай к нам, краля. Мы тебе нальём.

Девушка попыталась протиснуться мимо назойливого кавалера, но у неё ничего не получилось. Трое других стали хватать её за руки, затаскивая в свою компанию. Не в силах вырваться из цепких лап, девушка воскликнула:

– Помогите! Ну, помогите же кто-нибудь! Неужели здесь нет мужчин?

Ярослав вопросительно взглянул на Плетнёва.

– Надо выручать девушку, – ответил тот на его безмолвный вопрос. – Но вдвоём мы вряд ли сможем что-то сделать, – он обвёл взглядом присутствующих. – Ну что, мужчины, идём? Их четверо, а нас пятеро.

Иван Соломонович опустил глаза.

– Прошу прощения, но вряд ли я буду вам полезен. Здоровье уже не то, что раньше. Сами понимаете – возраст.

– Значит, и нас четверо, – подытожил Сергей и вновь взглянул на присутствующих. – Или я опять посчитал неправильно?

Серж лежал на верхней полке с закрытыми глазами. Павлуха встал и толкнул его в плечо.
– Эй, друган, ты не ко времени прикемарил. Поспишь после разборки.

Серж открыл глаза.

– А я ни с кем разбираться не собираюсь. Меня никто не трогает.

Девушка в очередной раз отчаянно позвала на помощь. Нина Аверьяновна всхлипнула.

– Бедная девочка!

Ярослав нетерпеливо дёрнулся.

– Идём, Сергей! – он посмотрел на Павлуху. – Паша, ты-то хоть с нами?

– Не-е, – протянул Павлуха. – Я не с вами. Один пойду. Потолкую с корешами на нашем языке. А вы будьте рядышком на стрёме.

Он пошёл в сторону шумной компании. Навстречу ему по проходу шёл уже знакомый Ярославу пожилой мужчина с Урала. Поравнявшись с отсеком, где подвыпившая компания пыталась силой напоить девушку, мужчина остановился.

– Вы что делаете, мерзавцы?! – гневно воскликнул он. – Отпустите девчонку!

Павлуха резко рванул туда. Ярослав и Сергей поспешили за ним. Они стали за спинами Павла и высокого пожилого мужчины. Двое хулиганов продолжали удерживать девушку в углу нижней полки. Двое других с угрозой надвинулись на неожиданного заступника.

– Ты чего напрашиваешься, старый козёл? – прошипел один из них. – Не получал давно? Шас схлопочешь – до толчка не доползёшь.

Лицо пожилого мужчины вспыхнуло от гнева. В этот момент в разговор вклинился Павлуха.

– Усохни, шелуха! – осадил он наглеца. – Не свернёшь понты – сам до толчка не доползёшь.

Парень на секунду замешкался. Потом спросил:

– Ты чё – бластной?

– Блатнее тебя.

Тот ещё немного подумал, внимательно разглядывая противника. Затем нагло усмехнулся.

– Я ведь и проверить могу.

– Проверь, – спокойно ответил Павлуха.

Опять повисла пауза.

– Чего надо? – спросил парень.

Павлуха скривил лицо в презрительной гримасе.

– У тебя чердак заклинило? Скажи своим корешам, чтобы девчонку отпустили.

Пьяный отморозок посмотрел на своих приятелей и опять повернулся к заступникам их пленницы.

– Отпустим, – сказал он с противной улыбкой. – Напоим, оттрахаем и отпустим.

Павел шагнул к нему вплотную и выдал фразу, из которой Ярослав понял не более трёх слов. Остальные представляли собой набор жаргонных словечек, лишь издали напоминающих человеческий язык. Лицо парня стало злым. Он надвинулся на Павла и тоже что-то сказал на непонятном языке уголовников. Павлуха ударил его головой в лицо. Парень опрокинулся на спину, стукнувшись загревком о крышку стола. Его дружок, стоящий рядом, тут же нанёс боковой удар, но Павлуха, как видно, был к нему готов. Он вовремя уклонился. Нападавший взвыл, зацепив кулаком угол верхней полки. Пожилой уралец ударил его сверху по голове. Противник покачнулся, но устоял на ногах. В считанные мгновения его дружки уже были рядом с ним.

Началась драка. В тесном пространстве вагона восемь человек сцепились в жестокой схватке, сбивая друг друга с ног, сами то и дело ударяясь головами о верхние полки и перегородки. Девушка, ставшая невольной причиной заварушки, испуганно забилась в угол. Пасса-

жиры с соседних полок удалились на безопасное расстояние. Голосили женщины. Прибежавшая проводница что-то отчаянно кричала в рацию.

Вдруг Павлуха крикнул, подавшись назад:

– Атас, братва! У них пёрышки.

Ярослав и сам уже увидел блеснувшие лезвия в руках у двоих отморозков. Четверо заступников в напряжённом ожидании отступили в проход. Хулиганы расплылись в наглых улыбках:

– Ну чё, козлы, допрыгались?

Павел толкнул плечом своих соратников.

– Уходите! Я потолкую с ними.

– Никуда я не пойду! – гневно громыхнул голосом уралец. – Не приучен за чужими спинами прятаться.

– Вместе потолкуем, – поддержал его Сергей.

Один из хулиганов сделал резкий выпад ножом с целью напугать. Манёвр сработал. Все четверо весело заржали, довольные произведённым эффектом. Тот, который разговаривал с Павлухой (похоже, он был вожаком пьяной компании) перестал ухмыляться.

– Хватит, поиграли. Щас вы своё получите, – он злобно взглянул на Павла. – Тебя, сука, первого кончу.

К месту конфликта стремительно подошёл мужчина лет сорока. Оттеснив защитников в сторону, сказал им:

– Позвольте мне. Я их успокою.

Приняв боевую стойку, на этот раз обратился к пьяной компании:

– Ну что, ублюдки, приступим?

Те замешкались. Соперник был невысок ростом, но атлетически сложен. А волевое лицо и холодный колючий взгляд заставляли задуматься, стоит ли вступать в борьбу с этим человеком. Они переглянулись. Вожак что-то негромко сказал им, а потом он и его напарник стали надвигаться на вновь прибывшего противника. Двое других, тоже с ножами в руках, присев на корточки, подбирались по нижним полкам. Мужчина сделал обманное движение и следом нанёс удар ногою в пах одному из нападавших. В следующее мгновение он перехватил руку другого с ножом, вывернул её до хруста и дикого вопля и сразу же повернулся, прикрываясь телом врага от остальных хулиганов. Один из тех, кто пробирался по полке, вонзил нож в спину своего вожака. Отшвырнув в сторону обезвреженного противника, мужчина бросил презрительный взгляд на остальных.

– Достаточно? Или продолжим?

Парни нерешительно поглядывали друг на друга. Потом побросали на пол ножи, один из которых был выпачкан кровью. Мужчина протянул вперёд левую руку.

– Девушку – сюда!

Они безропотно отпустили пленницу. Девушка с перепуганным и заплаканным лицом вцепилась в ладонь своего спасителя и поспешно выскочила из этого страшного места. Вскоре в вагоне появился врач и занялся оказанием помощи развращённому безнаказанностью подонку.

Поезд тем временем сбавлял обороты. На ближайшей станции в вагон вошёл наряд полиции во главе с офицером. Старший лейтенант допросил участников драки, опросил свидетелей, составил протокол. Закончив выяснения, стражи порядка покинули вагон, уведя с собой троих хулиганов. Двое санитаров в белых халатах в сопровождении сотрудника полиции вынесли на носилках из вагона четвёртого искателя приключений.

Поезд опять стал набирать скорость. Отошедшие во время драки на безопасное расстояние пассажиры вернулись на свои места. Кто-то оживлённо обсуждал случившееся, кто-то подавленно молчал. Но все облегчённо вздохнули, избавленные от опасных соседей.

Ярослав, Сергей и Павел вернулись на свои места. Пришедший им на помощь боец, представившийся Андреем, и уралец Василий Матвеевич присоединились к ним.

* * *

Проводница принесла пять стаканов чая и печенье.

– Это нашим героям, – объявила она. – Вы, ребята, молодцы. Просто супер! Я уж думала, что таких мужчин и не осталось вовсе.

Поставив поднос на столик, она пригласила испить чаю тех, кто не побоялся противостоять хулиганам.

– Угощайтесь! Это за счёт железной дороги. Будет мало – скажите, ещё принесу.

– Ещё один стаканчик, если можно, – попросил Павлуха и пояснил: – Для потерпевшей. Женщина кивнула и отправилась выполнять заказ. Павлуха привёл смущённую гостью, усадил её за стол. Участвовавшие в конфликте мужчины расселись рядом.

– Сильно испугались? – спросил Павлуха участливым голосом.

Девушка прижала руки к груди.

– Очень! Это же настоящие бандюги! Да ещё с ножами. А вы... вы их совсем не боялись. Ярослав усмехнулся.

– Ну, про себя не могу сказать, что совсем не боялся. А вот Паша, похоже, действительно страх потерял. Хотел в одиночку навести порядок.

– Андрей же навёл порядок в одиночку, – сказал Павлуха.

– Да, без Андрея нам бы тяжело пришлось, – согласился с ним Василий Матвеевич. – Чувствуется боевая подготовка. Вы спецназовец?

– В прошлом, – ответил Андрей. – Теперь у меня другое занятие.

– Мне показалось, что в драке ты использовал элементы русбоя, – предположил Сергей. Андрей бросил на него острый взгляд.

– Верно! Неудивительно, что именно ты это заметил. Приятно встретить человека, чтущего историю своего народа, его традиции.

– Хорошо, что ты из спецназа ушёл, – сказал Павлуха. – Не люблю я их.

– Спецназ – государственная структура. Она защищает власть. А я хочу служить русскому народу. И я буду защищать его не только от уголовной мрази, но и от прочей нечисти. Можете не сомневаться.

– Да ты что, Андрюха! – воскликнул Павел. – Разве кто сомневается? Ты ж себя показал в лучшем виде. Храбрый мужик – ничего не скажешь!

– Но вы, Павел, тоже отчаянный, – произнесла с боковой полки Нина Аверьяновна. – Так смело отчитали их! Только я почти ничего не поняла, словно вы с ними вовсе не на русском языке разговаривали.

– Я с ними, тётя Нин, на блатном разговаривал. Они другого языка не понимают.

– А вы, выходит, знаете их язык.

– Знаю.

Павел не стал объяснять, откуда ему известен тёмный язык уголовников, а присутствующие деликатно воздержались от расспросов.

Нина Аверьяновна вздохнула:

– И как только люди могут быть такими жестокими? Ведь их же матери родили. Они же детьми были когда-то.

– Нет у них матерей, – сердито сказал Ярослав. – Не может быть матерей у такой сволочи.

Он ещё не успел успокоиться после недавних событий. Нина Аверьяновна удивлённо взглянула на него.

– Как «нет»? Чьи же они дети?

– Дети Кали-Юги, – неожиданно сказала девушка.

– Чьи? – переспросила Нина Аверьяновна.

– Это, вероятно, из того же языка, на котором Павел разговаривал с хулиганами, – предположил Иван Соломонович.

– Сукины они дети, – сердито выпалил Василий Матвеевич. – Это я вам говорю на нашем, русском языке.

– Нет, что вы! – воскликнула девушка. – При чём тут блатной язык? «Кали-Юга» означает «тёмная эпоха». Это из индийской религии – индуизма. Неужели не слышали об этом?

Она обвела присутствующих вопросительным взглядом, задержав его на Сергее Плетнёве. Он кивнул в ответ.

– Слышал.

Девушка оживилась.

– А вы – анастасиевец, верно?

– Не совсем так, – ответил он. – Но идея мне близка.

– То есть, вы также взяли себе гектар земли вдали от города?

– Я взял пять гектаров.

– Вот! – торжествуя воскликнула девушка. – Значит, вы прочли книги Владимира Мегре, а потом взяли землю?!

– Увы, нет. Я сначала взял землю, а потом прочёл книги. И должен сказать, что многое в них вызвало у меня сомнения.

– Что же вам там не понравилось? – удивлённо спросила она.

Сергей слегка пожал плечами.

– Да так, нашёл ряд противоречий. Словом, не всё принял душой.

– И всё же, что конкретно? – не отступала собеседница.

– Наверное, про эту... тёмную эпоху, – предположил Павлуха.

– Нет-нет! – отмахнулся Плетнёв. – Вот как раз по поводу тёмной эпохи я согласен. У разных народов говорится о ней. Для индийцев она Кали-Юга. Для других: железный век, лютая эра рыб. Может быть, ещё как-то. Древние славяне называли её «Ночь Сварога».

– Всё-таки вы язычник! – заключил Иван Соломонович таким голосом, словно это открытие было для него очень важным.

Андрей странно взглянул на него.

– Все мы в душе язычники, – сказал он. – Только вот общего языка у нас нет.

– Простите, не понял, – насторожился Шонберг. – Что вы имеете в виду?

– Разным Богам поклоняемся. Поэтому нет между нами понимания и никогда не будет.

– Ну почему же? – возразила Нина Аверьяновна. – Я с вами абсолютно не согласна. Вот нас здесь восемь человек. Мы разговариваем на одном языке и прекрасно понимаем друг друга.

Андрей усмехнулся.

– Вы в этом уверены?

Она не успела ответить. С верхней полки раздался голос Сержа:

– Что-то у вас с арифметикой не ладится, Нина Аверьяновна. Или вы кого-то из нас за человека не считаете?

Женщина смутилась.

– Ой, извините! Вы же не участвовали в нашем разговоре, вот я и забыла про вас.

– Ага! Значит, всё-таки *меня* исключили из числа гомо-сапиенс? – шутливо наседал Серж со своей ехидной улыбкой.

– Он не только в разговоре не участвовал, – проворчал Ярослав.

Его слова Серж пропустил мимо ушей. Он свесился с полки, чтобы увидеть девушку, сидящую под ним.

– Как тебя зовут, красавица?

– Юля, – ответила девушка.

– Очень приятно, Юленька! А то здесь толпа мужиков, а спросить имя у девушки никто не догадался. Мужланы неотёсанные.

Ярослав вновь почувствовал острую неприязнь к нему.

– Значит, ты у нас один настоящий мужчина? Что ж с нами-то не пошёл девушку выручать?

Серж даже не удостоил его взглядом. Всё также свешиваясь и глядя на девушку, сказал, как ни в чём не бывало:

– Я ж не знал, что она такая хорошенькая. Иначе первым бы бросился её спасать. Но Юленька меня простит. Верно, красавица?

Девушка промолчала.

– Да ты не смущайся, – не унимался Серж. – Я понимаю: тут толпа народу – сидят, плятятся. Давай уйдём от них в тамбур.

Павлуха неожиданно взорвался.

– Слушай, ты, сопи в тряпочку. Нарисовался, когда тебя не просят.

Серж захихикал.

– Юленька, неужели я опоздал? У тебя уже появился поклонник. Да какой пылкий! Только он не понимает, что шансов у него ноль.

Лицо Павлухи приняло свирепое выражение. Предотвращая нежелательные действия, Ярослав крепко сжал его руку выше локтя.

– Не горячись, Паша. Не стоит он того. А ты угомонись и не напрашивайся на неприятности, – осадил он Сержа.

– Ой-ой! – произнёс Серж трагическим голосом. – Как вы меня напугали! Вот только я не понял, от кого мне неприятности могут быть.

Павлуха смотрел на него с нескрываемой ненавистью.

– Объяснить?

Серж перестал улыбаться.

– Ну, попробуй, объясни, – сказал он, лениво растягивая слова. – Только учти: я кандидат в мастера по боксу.

– Мне это поровну!

– Ну да, ну да! Ты же у нас герой! – в голосе Сержа опять зазвучали ехидные нотки. – Один побежал хулиганов успокаивать. Только сдаётся мне, что ты сам из их породы. И где по фене ботать научился, тоже нетрудно догадаться. «Девять лет на природе...», – передразнил он.

– Я тебя урою! – прошипел Павлуха, вскакивая с места.

– Ой, Павел, не надо! Прошу вас! – испуганно воскликнула Юля. – Мне опять страшно. Ну, пожалуйста! – протянула она жалобным голосом.

Павлуха посмотрел на неё, постоял в нерешительности, потом нехотя опустил на место. Внутри у него клокотало.

– И всё-таки: что же ты с нами не пошёл, если смелый такой? – повторил вопрос Ярослава Сергей Плетнёв.

– А я не дурак, чтобы на ножи лезть, – ответил Серж.

Василий Матвеевич, наблюдавший за этой сценой, мрачно резюмировал:

– Мы, стало быть, дураки, коли ввязались, – он поднял глаза на Сержа. – Знаешь, что я о тебе думаю?

– Не знаю и знать не хочу, – Серж опять откинулся на полку.

– Я всё же скажу...

– Да плевал я!..

Андрей недобро усмехнулся.

– Смотри, как бы тебе плевательницу не разбили.

Серж опять резко свесился, гневно сверкнув глазами, но, встретившись с Андреем взглядом, утихомирил свой гнев.

– Ну, посудите сами, – заговорил он примирительным тоном. – Вы сейчас чувствуете себя героями, потому что отделались шишками да ссадинами. А что было бы с вами, если бы не этот супермен? – он указал пальцем на Андрея. – Эти отморозки вспороли бы вам животы, вот и всё. На том бы и закончилось ваше геройство.

Павлуха мотнул головой в сторону Юли.

– А как же она?

– А что она? Что они ей могли сделать? Ну, напоили бы да, может быть, полапали слегка. Стоило из-за этого войну затевать?

У Юли округлились глаза.

– Ну ты, гнида! – Павлуха опять вскочил с места, готовый броситься на Сержа.

– Успокойся, Паша! – мягко сказал Сергей Плетнёв. – Считай, что его нет среди нас.

Нина Аверьяновна была права: нас здесь восемь человек.

Серж вдруг разозлился.

– Да что вы ко мне прицепились? В вагоне полно мужиков. Кто из них помог вам? Никто, кроме вот этого мордovorота. Чего к ним-то не цепляетесь? – он перевёл взгляд на Шонберга. – Соломоныч, вон, тоже энтузиазма не проявил. Но вас почему-то это совсем не волнует.

Иван Соломонович неуютно поёжился.

– У меня здоровье... – пробормотал он. – Сами понимаете: возраст.

– «Здоровье»! «Возраст»! – передразнил его Серж. – Дедуля с Урала, небось, постарше тебя будет – и ничего: кинулся в бой с пионерским задором.

Василий Матвеевич бросил на Сержа гневный взгляд, потом встал и стащил его с полки, сграбастав в пятерни футболку на груди. Серж дёрнулся пару раз, пытаясь вырваться из его рук, но, как видно, сил пожилому уральцу было не занимать.

– Убери лапы, папаша.

Не разжимая пальцев, Василий Матвеевич крепко встряхнул парня.

– Если ты, гадёныш, ещё раз позволишь себе подобный тон, я из тебя вытрясу всю твою наглость, – тяжело проговорил он, едва сдерживаясь от гнева.

Несколько секунд они сверлили друг друга глазами. Василий Матвеевич грозно нависал над своим соперником.

– Ты меня понял?

– Понял, – сквозь зубы процедил Серж. – Лапы убери.

Уралец брезгливо оттолкнул его от себя и вновь опустился на лавку. Серж больше не ухмылялся. С мрачным лицом он свернул свою постель и пошёл к проводнице, чтобы попросить её найти ему новое место.

Глава 4. Адольф Гитлер и другие писатели

– Кажется, вас зовут Нина Аверьяновна? – спросил Андрей, взглянув на женщину.

– Да, – ответила она.

– Так вот вам наглядный пример, Нина Аверьяновна, как люди, говорящие на одном языке, не могут найти общего языка.

Нервное напряжение последних дней вырвалось из Ярослава Григорьевича негромким, но неудержимым смехом.

– Так ведь Нина Аверьяновна говорила про восемь человек, – сказал он, продолжая посмеиваться. – А Серж был девятым. Вот и не вписался в зону понимания.

Павлуха удивлённо уставился на него.

– Ты чего развеселился?

– Фамилию оправдываю. Понимаешь, Паша, Веселов моя фамилия.

Василий Матвеевич внимательно посмотрел на Ярослава.

– Мы не встречались прежде? Мне ваше лицо знакомо.

– Встречались. В Москве во время шествия нетрадиционного сброда и последовавшего за ним побоища.

– Ах да, теперь вспомнил. Вы сибиряк. Ну что же, рад, что мы снова встретились!

– Честно говоря, я не очень рад, – продолжал Ярослав, поддаваясь приступу нездорового веселья. – Не дай, Бог, нам ещё когда-нибудь встретиться.

– Это почему же? – удивился уралец.

– Ну, сами посудите: при первой встрече мы стали свидетелями драки, при второй – участниками. Поскольку события происходят по нарастающей, при третьей у нас есть все шансы стать жертвами.

Василий Матвеевич ещё некоторое время удивлённо смотрел на него. Потом понял, что собеседник шутит, и тоже заулыбался.

– А вы ведь верно подметили – есть закономерность.

Нина Аверьяновна внимательно вслушивалась в их разговор. На её лице читались страх и любопытство. Наконец, она не выдержала и задала свой вопрос:

– Что же случилось в Москве? Как я поняла, кого-то побили?

– Да, было дело. Довелось нам с Ярославом Григорьевичем стать свидетелями крайне неприятного зрелища, – Василий Матвеевич подробно рассказал о недавнем происшествии.

Когда он закончил, повисла пауза. Молчание нарушила Нина Аверьяновна:

– Господи, ужас-то какой! Что творится с людьми! Совсем озверели.

Андрей согласно качнул головой.

– Вы правы: ужас, что творится. Люди не просто звереют – в скотов превращаются. И уже не стыдятся своего скотства, а несут его гордо над головой, как знамя. То, что четверть века назад считалось позором, стало выставляться напоказ. Радугу на флагах намалевали, ублюдки!

– Это грустно, очень грустно, – согласился с ним Сергей. – Словно детей ограбили. Ведь радуга – это первое, что дети начинают рисовать. Наши давние предки почитали радугу как символ чистоты. Теперь выходит наоборот.

– Общество стало слишком терпимым, – сказал Ярослав. – Раньше, если кто-то выделялся, пальцем тыкали. Сейчас никого ничем не удивишь.

– Общество стало безразличным, – высказал своё мнение Василий Матвеевич. – Никому ни до кого нет дела. Вот и расплозается гниль по стране.

Нина Аверьяновна с волнением слушала, потом горячо воскликнула:

– Но эти ребята в масках!.. Неужели вы их оправдываете? Они ведь настоящие бандиты!

Лицо Андрея вновь исказила недобрая усмешка.

– Я не считаю их бандитами. Бандиты грабят и убивают ради наживы. А эти ребята патриоты. В их действиях нет корысти. Вот скажи, – обратился он к Ярославу, – что ты чувствовал, глядя на шагающих педиков?

– Мне было противно.

– Вот!

– Но от сцены избиения стало ещё противнее. Думаю, что и Василий Матвеевич не получил удовольствия от этого зрелища.

Василий Матвеевич молча покачал головой в знак согласия.

– И что же вы предлагаете? – спросил Андрей. – Оставить этих уродов безнаказанными? Молчавшая до сей поры Юля осторожно сказала:

– Мне кажется, что эти люди очень вредны и даже опасны. Они разрушают моральную основу, вызывают нездоровый интерес у молодёжи, сбивают её с пути. Их надо наказывать, обязательно надо! Только не так, а по закону.

– Правильно! – поддержала её Нина Аверьяновна.

– Закон – орудие власти, – тут же отреагировал Андрей. – А наша власть, как ни печально, не только не наказывает психопатов, но и открыто поддерживает их, – он обвёл взглядом присутствующих. – Кто из вас верит в нашу нынешнюю власть?

Все промолчали в ответ. Андрей удовлетворённо подытожил:

– Вот видите! Как ни крути, а парни в масках молодцы. Они взвалили на себя грязную, неблагодарную, но необходимую работу. Кто-то же должен очистить страну от скверны.

– Туфта всё это, – неожиданно сказал Павлуха. – Фуфло натуральное.

Он слегка смутился, враз оказавшись в центре внимания.

– Говори, Паша, – подбодрил Ярослав, заинтригованный его словами. – Что ты хотел нам сказать?

– Да я говорю, что это всё фуфло, – повторил Павлуха. – То есть про парней, которые педиков били. Знаю я эту братию. Никакие они не патриоты. Только прикрываются благородной целью, а по сути та же гниль.

Он опять умолк, а остальные продолжали смотреть на него, ожидая дальнейших слов. Андрей недовольно сморщился.

– Так-так! Ну, давай дальше.

Павлуха пожал плечами.

– А чего дальше? Всё.

– Нет, так не пойдёт, – не отступал Андрей. – Сказал «А», говори «Б». Ты высказал свою точку зрения. Будь добр обосновать её.

Павлуха, совсем недавно восхищавшейся храбростью собеседника, теперь уставился на него исподлобья.

– Обосновать, блин! Чего тут неясного? Накачали парни мышцы, научились махать ногами да руками – вот кулаки и зачесались. Хочется же попробовать на практике свои способности. Особенно, когда чувствуешь силу и превосходство. Так всегда было. Любой отморозок старается свою агрессию благородной идеей прикрыть. Одни педиков бьют, другие – азиатов и кавказцев, а третьи – всех подряд, потому что «все сволочи». И никто из них никогда не признается, что он сам сволочь. Повидал я всяких «патриотов»...

Павел замолчал. А Ярослав вдруг почувствовал к нему уважение и симпатию. То, что он только что услышал, было созвучно его собственным мыслям и чувствам. Он решил поддержать Павлуху.

– А ведь Паша прав. Даже если изначально цель чистильщиков была действительно благородной, со временем они неизбежно скатываются до обыкновенной уголовщины. Видя, как бандитские группировки гребут деньги, парни начинают задумываться: «А почему бы и нам не использовать свои возможности? Ведь для родины благое дело делаем! Так неужто не имеем

права?». И начинают постепенно входить во вкус. И вот уже готова очередная банда. Вспомните печально известных «люберов». Ведь они тоже начинали как поборники порядка – били неофашистов, приезжих барыг, тех же геев. Словом, всех, кто, по их понятиям, разваливал нравственные устои в нашем отечестве. Что с ними стало потом? Превратились в заурядных бандитов. Безнаказанность неизбежно делает своё чёрное дело.

– Но почему так происходит? – с горечью воскликнула Нина Аверьяновна. – Почему такое стало возможным в нашей стране?

Василий Матвеевич поднял на неё угрюмое лицо.

– Вся беда в том, что к власти пришли бандиты.

Андрей скорчил презрительную мину.

– Беда в том, что к власти пришли жида, – сказал он.

Наступила неловкая пауза. Люди вопросительно поглядывали друг на друга и искоса – на Шонберга. Сам же Иван Соломонович смотрел в окно, словно не слышал последних слов разговора.

Поезд тем временем сбавлял ход. Василий Матвеевич поднялся.

– Засиделись мы тут. Пойду, проверю, на месте ли вещи. Да и перекусить давно пора.

Но по проходу уже двинулись пассажиры с багажом, для которых путешествие в этом поезде подошло к концу. Ему пришлось опять сесть на место.

– Ничего не поделаешь. Придётся подождать, – он иронически прищурился, глядя на Юлю. – Так что вы, красавица, хотели рассказать нам про чёрную эпоху?

* * *

Юле пришлось прервать свой рассказ в самом начале – проводница привела к ним вновь прибывшего пассажира, чьё место, видимо, она отдала Сержу.

– Это ваш новый сосед. Смотрите у меня, не обижайте его! – сказала она с шутливой строгостью и ушла.

Мужчина представился Сергеем Евгеньевичем. На вид ему было чуть больше шестидесяти. Умное интеллигентное лицо и простая добродушная улыбка вызвали расположение к этому человеку. Он уложил свои вещи и присел с краю на полку.

– Извините, потесню вас.

– В тесноте, да не в обиде, – отозвался Сергей. – Присаживайтесь, места хватит.

– Кажется, я прервал вашу беседу.

– К беседе мы вернёмся, – сказал Ярослав. – Тема очень интересная. Юля рассказывала нам про тёмную эпоху, в которую мы живём.

Сергей Евгеньевич понимающе улыбнулся.

– Ах, вот вы о чём! Кали-Юга. Если верить древним источникам, она подошла к своему концу, и скоро должна начаться Сатия-Юга – золотой век человечества.

– Да-да! – оживилась Юля, встретив понимание. – Вы правильно сказали. Время Кали-Юги закончилось. Отношения станут другими. Жестокость, равнодушие, алчность, зависть – всё это уйдёт в прошлое. Люди потянутся к свету. На первый план выйдет духовность.

Андрей смотрел на неё с плохо скрываемой насмешкой.

– И когда же наступит это время?

Ему ответил Сергей Евгеньевич:

– Если я не ошибаюсь, тёмная эпоха должна была закончиться пару лет назад.

– Что-то я этого не замечаю, – угрюмо сказал Ярослав. – Личный опыт и наблюдения за окружающими не внушают оптимизма.

– Но эти изменения не могут произойти мгновенно, – возразила Юля. – Период Кали-Юги длился много тысяч лет. Поэтому нужно время, чтобы мир стал другим. Но люди уже

меняются, просто вы этого не замечаете. Присмотритесь внимательно, и вы увидите перемены. Тёмная эпоха доживает свои последние дни.

От её запальчивости, светлой убеждённости в переменах к лучшему у Ярослава поднялось настроение. Если среди молодёжи ещё встречаются такие чистые, не развращённые вседозволенностью души, значит, не всё потеряно. Почувствовав глубокую симпатию к этой практически незнакомой девушке, он сказал с улыбкой:

– Ну что ж, вы нас обнадёжили. Если осталось немного подождать, то я готов потерпеть. Вот бы узнать конкретную дату, когда настанут светлые времена. Может быть, вы нам её назовёте?

Юля заулыбалась в ответ.

– Можно попробовать. Сейчас скажу, подождите немного, – она на полминуты закрыла глаза, после чего торжественно объявила: – До конца Кали-Юги осталось ровно два месяца. Двадцать пятое августа – её последний день.

Сказав это, девушка весело засмеялась. Андрей с усмешкой покачал головой.

– Как всё просто! Дождаться определённой даты, и жизнь станет лучше. Ничего не нужно делать, всё само собой образуется. Только вот каким образом это произойдёт? Можете объяснить?

Видимо, не уловив иронии, Юля простодушно заговорила:

– В период Кали-Юги Земля находится в зоне влияния тёмных сил. Сейчас она выходит из этой зоны. А может быть, уже вышла.

– И что это за тёмные силы? – продолжал допрос Андрей.

Юля слегка замешкалась.

– Ну... Я читала, что их представителями являются люди с серой кожей и глазами цвета мрака.

Андрей рассмеялся.

– Вот-вот! И я про них. Только эти люди сейчас реально правят нашим отечеством. Да что там – они правят всем миром. Как же мы можем выйти из зоны их влияния? Вы, милая девушка, наслушались сказочников вроде Трехлебова и Хиневича. Но реальность, увы, куда суровее. Если мы будем сидеть и ждать, светлой эпохи нам никогда не дожждаться.

– Что же нам нужно делать? – спросила Нина Аверьяновна.

– Действовать! Мы должны бороться за своё право на достойную жизнь. Отбросить в сторону жалость, брезгливость, страх. Мы не имеем права жалеть врага, если хотим спасти свою страну, свой народ.

Сергей Евгеньевич внимательно посмотрел на него.

– Врагами, как я понимаю, вы считаете евреев?

– Вы абсолютно правы. «Люди с серой кожей и глазами цвета мрака» – это иудеи, жидаи.

– Мне кажется, всё не так просто, как вы представляете...

– Совершенно верно: всё не так просто, – говорил Андрей, всё больше распаляясь. – Они просочились в нашу жизнь, растворились в ней. Их порой не так-то легко распознать. Они берут в жёны наших женщин, присваивают себе русские фамилии. Но наши традиции они никогда не примут. Напротив, они делают всё, чтобы разрушить нравственные основы, развратить нацию, лишить её моральных устоев. Поэтому мы должны научиться распознавать врага и обезвреживать его.

Долго молчавший Иван Соломонович неожиданно напомнил о себе.

– Позвольте полюбопытствовать, как вы это себе представляете? Нет-нет, конечная цель мне понятна. Меня интересуют подробности. Поскольку я имею прямое отношение к ненавидимой вами нации, мне не всё равно, как вы собираетесь действовать. Железные прутья? Бейсбольные биты? Цепи?

Андрей взглянул на него исподлобья.

– В борьбе за спасение отечества все средства хороши.

– Нельзя же всех грести под одну гребёнку, – вступилась за соседа Нина Аверьяновна. – Люди везде разные. Что плохого вам сделал Иван Соломонович?

– Иван Соломонович? – Андрей презрительно хмыкнул. – А почему Иван, если Соломонович? Хоть бы легендарное русское имя не пачкали.

– А кто вам сказал, что оно русское? – заартачился Шонберг. – Это имя изначально еврейское – Иоанн. Вы его изменили на свой лад. Теперь выражение «русский Иван» – синоним пьяницы. Сами не умеете, не хотите жить по-человечески, а виновных на стороне ищите. Пьёте, дебоширите, деньгами сорите. Кто вам виноват?

– А вот вы и виноваты. Вы играете на человеческих слабостях, сбиваете людей с пути. Я ведь тоже немало книг прочёл на историческую тему. И везде одно и то же – где появляется ваше племя, там начинается разложение и упадок.

Ярослав чувствовал, как у него опять портится настроение. От душевного подъёма, наступившего после победы над хулиганами, не осталось и следа. Сергей Плетнёв, судя по его виду, испытывал примерно те же чувства. Иван Соломонович отвернулся к окну. Павлуха, открыв от удивления рот, внимательно вслушиваясь в каждое слово. Василий Матвеевич сидел с опущенной головой. Ярославу показалось, что в душе пожилого уральца закипает гнев. Всё также не поднимая головы, но ещё сдерживаясь, он спросил:

– Что же это за «исторические» книги? У каких авторов ты такое прочёл?

Ярослав отметил про себя, что старик обратился к собеседнику на «ты». До этого такой «чести» удостоился только Серж. Потеря уважения была налицо. Андрей, как видно, не обратил на это внимания.

– Добро! – сказал он. – Я назову фамилии, хотя не уверен, что они вам знакомы. Это Григорий Климов, Владимир Истархов. Адольф Гитлер, наконец.

Василий Матвеевич поднял на собеседника глаза.

– Первых двух я действительно не знаю. А вот с последним литератором хорошо знаком. Андрей с удивлением посмотрел на него.

– Вы читали Гитлера? Вот уж не ожидал.

– Я-то? Как же, читал. Рад бы не читать, да пришлось. Он мне персональную записку настроил. Точнее, надпись на долгу память.

Василий Матвеевич так рванул манжету на левом рукаве рубашки, что оторвалась пуговица. Закатав рукав, он поднял руку кверху, показывая внутреннюю сторону предплечья, на котором синел шестизначный номер.

– Вот, полюбуйся! Это от твоего кумира. Семьдесят два года прошло, а каждая цифра смотрится почти как новенькая. Качественно сделано, с немецкой аккуратностью.

Он тяжело перевёл дух. Захлестнувшие его эмоции мешали говорить.

– Мы жили в деревне под Орлом, когда началась война. Я мало что помню – мал был тогда, всего четыре годика. А спросить потом уже не у кого было. Но кое-что обрывками засело в памяти на всю жизнь. Так врезалось, что не сотрёшь ничем. Помню горящие избы. Толпы людей. Плач, крики, стоны. Автоматный треск. А потом лагерь. Страх перед людьми в военной форме. Оскаленные пасти овчарок. А ещё мёртвые тела. Много мёртвых тел. Запах смерти кругом. Ты знаешь, что такое запах смерти? И ненависть, лютая ненависть. Только тогда мы не евреев ненавидели. Немцев! А этих бедолаг жалели. Досталось им.

Он буравил Андрея глазами, тяжело дыша. Андрей спокойно выдержал его взгляд.

– Вы же должны понимать, что в мире ничего случайного не происходит. История человечества изобилует фактами гонений на евреев – изгнаний, погромов, физических расправ. Случайно ли это? И Гитлер не был исключением в своём отношении к ним. Он понимал, что жида – не люди, поэтому стремился очистить землю от них.

– Гитлер и славян за людей не считал, – напомнил Сергей Евгеньевич. – И уничтожил значительно больше, чем евреев. Вы привели не слишком удачный пример.

Василий Матвеевич торжествующе смотрел на Андрея.

– Ну, что ты на это скажешь? Или нечего сказать?

– Есть. Мне есть что сказать, отец, – Андрей с задумчивым видом смотрел ему в глаза, словно прикидывая, стоит ли продолжать этот разговор. – Вот только я не уверен, что ты захочешь меня услышать.

– Да уж попробую.

– Ну, тогда скажи, кто привёл Гитлера к власти?

Василий Матвеевич удивлённо вскинул брови.

– Что за дурацкий вопрос? Понятно кто – немцы!

Андрей насмешливо скривил рот.

– Ты уверен? Тогда ответь: на какие шиши? Германия в то время была разорена жидами-демократами. А чтобы участвовать в выборах, огромные средства нужны. Где же взял их бывший ефрейтор?

Сергей Евгеньевич озадаченно хмыкнул.

– А ведь так оно и есть. Как ни парадоксально, но именно деньги евреев привели Гитлера к власти.

– Что за чушь?! – взорвался Василий Матвеевич. – Они что, по-вашему – идиоты? Или самоубийцы?

– Я не имел в виду Ивана Соломоновича и ему подобных...

– Чушь! – не унимался уралец. – И слышать не хочу.

Андрей шумно выпустил воздух изо рта и хлопнул себя ладонями по коленям.

– Ладно! Не вижу смысла продолжать этот разговор. Не найдём мы понимания. Общего языка не найдём, хотя и говорим на одном языке.

Он поднялся.

– Ну что ж, прощайте! Не знаю, как вам, а мне приятно было познакомиться. С теми, кто вёл себя по-мужски. Не смотря на разногласия.

Андрей ушёл. Некоторое время сидели молча. Василий Матвеевич покачал головой и сказал с горечью:

– Жаль! Очень жаль! Так больно разочаровываться в людях...

Он тоже поднялся.

– Однако засиделся я с вами. А мне выходить скоро. Пойду готовиться.

Поезд приближался к Челябинску.

Глава 5. Исповедь павлухи

В Челябинске вместе с Василием Матвеевичем своё путешествие закончили Юля и Иван Соломонович. Старый еврей сухо попрощался и поволок свой багаж к выходу. Он уносил в своём сердце обиду, которую не смогли растопить ни добрые пожелания соседей по вагону, ни их приветливые улыбки. Василий Матвеевич крепко пожал попутчикам руки. Ярослав сказал:

– А я всё равно был бы рад снова встретиться с вами. Чёрт с ними – с неприятностями.

– Надеюсь, их больше не будет, – ответил Ярослав полусерьёзно. – Когда мы снова встретимся, Кали-Юга по Юлиным предсказаниям, скорее всего, уже закончится.

Юля на прощание одарила всех светлой улыбкой. Задержала взгляд на Павлухе, который в данный момент имел довольно мрачный, подавленный вид.

Сергей Плетнёв окинул их острым взглядом, потом поднялся с места.

– Позвольте, Юля, помочь вам.

Он подошёл к девушке, взял её вещи. Вместе они вышли на перрон.

Нина Аверьяновна тяжело вздохнула.

– Что же вы, Паша, сами-то не вызвались помочь? Ведь понравилась вам девушка. А вы упустили свой шанс.

Павел угрюмо опустил голову.

– Зачем я ей нужен... такой...

Собеседница всплеснула руками и горячо заговорила, незаметно для себя перейдя на «ты»:

– Какой «такой»? Что ты наговариваешь на себя? Ты за девчонку на ножи бросился. Думаешь, она этого не оценила?

– А ведь она права, – поддержал женщину Ярослав. – Ты хороший человек, Паша. Сам себя недооцениваешь. Поверил цинику Сержу, что у тебя шансов нет.

– Вот-вот! – ещё больше загорячилась Нина Аверьяновна. – Только чего было его слушать, Сержа этого? Доброго слова никому не сказал. Одни гадости.

Павлуха резко мотнул головой.

– Тётъ Нин, не надо, не травите душу.

Тем временем в вагон заходили, занимая свои места, новые пассажиры. Вскоре появился и Сергей Плетнёв. Он сел напротив Павла, добродушно улыбаясь.

– Не грусти, Паша. Всё хорошо, – Сергей протянул Павлухе сложенный листок бумаги. – Вот, держи! Это Юля просила передать тебе. Здесь её телефонный номер и адрес электронной почты.

Проводница разобралась с вновь прибывшими. Поезд тронулся. Место Ивана Соломоновича осталось не занятым.

Павлуха с растерянным видом смотрел на Плетнёва и всё не решался взять у него листок. Сергей рассмеялся.

– Ну, чего ты? Бери!

– А это... точно мне?

– Тебе-тебе! Не мне же. Я-то женат. Хотя... – Сергей озадаченно почесал затылок. – Вот же незадача! Ведь и в голову не пришло поинтересоваться твоим семейным положением. Может быть, ты тоже женат?

– Да не... – Павлуха взял листок и спрятал в кармане рубашки. – Не женат я. Был женат, но давно.

– Что было давно, то быльём поросло, – сказал Сергей.

– Что же случилось у вас с супругой? – любопытствовала Нина Аверьяновна, вновь перейдя на «вы». – Беда какая или просто не сложилось?

Было заметно, что настроение Павла улучшилось. Юлина записка сделала своё доброе дело. Он охотно ответил:

– До беды, слава Богу, не дошло. Хотя, конечно, всяко могло случиться. А так... В общем, ошибся я.

– От ошибок никто не застрахован, – вновь поддержал его Плетнёв. – Не стоит на них заикливаться. Их просто надо исправлять по возможности. А если исправить уже невозможно, то хотя бы учитывать на будущее, чтобы не наступать на одни и те же грабли.

– Точно! – живо отозвался Павел. – Ты всё правильно сказал. У меня так и вышло. Исправить уже ничего нельзя было, но вовремя спохватился, чтобы не наделать новых глупостей. Ну, загремел бы опять. А какой смысл?

Ярослав невольно дёрнулся, словно его толкнули. Он остро почувствовал, что Павлухины проблемы чем-то схожи с его собственными. Хотел спросить о подробностях, но любопытная Нина Аверьяновна его опередила.

– Ой, Паша! Что же всё-таки случилось? Надеюсь, все остались живы?

Павлуха махнул рукой.

– Да, живы все. Теперь-то я понимаю, что это правильно. А тогда думал совсем по-другому. Наломал дров.

Он умолк, погружённый в воспоминания. Потом продолжил свой сумбурный рассказ:

– Он-то тут не при чём. Зря я его. Это её надо было. Нет, он, конечно, тоже при чём, но она больше виновата. Он-то что? Он мужик. Баба позволила – он и полез. Ну и получил своё. И я своё получил. Он в реанимацию, а я на зону. А она лёгким испугом отделалась.

– Так вы его?.. – чуть слышно прошептала Нина Аверьяновна. – Слава Богу, что не убили.

– Да можно сказать, что убил. Только ненадолго. Я же с ними недавно встречался. Затем и в Москву поехал, чтобы свести счёты – они ведь три года назад в столицу жить перебрались. Вот, думаю, как-то несправедливо получилось. Она заварила кашу, а расхлёбывать пришлось другим. А потом вдруг понял: глупо всё это. Не стоит она того, чтобы из-за неё новый срок мотать. Тут вся моя злость и пропала.

– И правильно! – воскликнула Нина Аверьяновна. – Что толку мстить. Вы и так за это девять лет расплачивались.

– Да не-е, – протянул Павлуха. – За то мне шесть лет впаяли. Трёшку уже на зоне накиннули. Народец там не очень дружелюбный. Всякого норовят на излом взять. Меня тоже попробовали сломать. А-а, думаю, всё одно пропадать. Отправил ещё одного в реанимацию. Тоже выжил, гадёныш! И хорошо, что выжил. А то бы мне больше добавили. Конечно, и три года – не мало. Зато ко мне больше никто не лез. Уважать стали.

– Господи! – Нина Аверьяновна опять перешла на шёпот.

Павлуха продолжал:

– Ну, так вот, встретился я с бывшей женой и её нынешним мужем – бывшим любовником то есть, и вся моя злость пропала. Они поначалу испугались. Люська в ноги кинулась. Он стоит рядом бледный, но держится с достоинством. А я смотрю на них, и нет у меня никакого желания счёты сводить. «Ладно, – говорю, – живите, раз заладилось у вас». Они засуетились, пригласили войти. Мужик коньяк достаёт, Люська закуску ставит на стол. С ней общаться, понятно, желания не испытывал. Да она сама это чувствовала, держалась в сторонке. А вот с ним мы выпили, поговорили по-человечески. Он мне и рассказал, что перенёс тогда клиническую смерть. На том свете побывал. Говорит, хорошо там. Даже возвращаться не хотел.

Ярослав задумчиво покачал головой.

– Да, там хорошо. Я тоже не хотел возвращаться.

Все повернулись к нему.

– Как, и ты тоже? – удивлённо спросил Павлуха. – У тебя-то что стряслось?

– Да так, несчастный случай на производстве. Попал под напряжение по собственной глупости. Ничего интересного. Лучше расскажи, чем у тебя всё закончилось?

Павел пожал плечами.

– Да чем закончилось? Ничем. Вот еду обратно домой, в свой родной посёлок под Омском. Матушка там у меня в своём доме. Займусь ремонтом – постройки-то обветшали. А дальше видно будет. Попробую начать новую жизнь. Конечно, если получится.

– Получится! Непременно получится! – горячо выпалила Нина Аверьяновна.

– Она у тебя, Паша, уже началась, – сказал Сергей Плетнёв. – Ты встретил хорошую девушку. Не думаю, что это случайность. И ещё ты понял и усвоил нечто очень важное. Это обязательно изменит твою жизнь.

– Не понял: что я понял? – невольно скаламбурил Павлуха.

– Ты увидел, что ненависть приносит только вред, и теперь учишься жить без неё.

– Я?! Без ненависти?! – Павел удивлённо уставился на него. – Фигня всё это! Как можно жить без ненависти? Вокруг полно разной сволоты. Так и норовят залезть к тебе или в карман, или в морду. Нет уж, если меня ударят по одной щеке, вторую подставлять не буду. Зубы выбью!

Ярослав тоже испытал немалое удивление.

– Постой, Сергей, – сказал он. – Мне тоже не совсем понятно. Как же так? Ведь только сегодня мы вместе дрались с отморозками, чтобы выручить девушку. И ты, кстати, их совсем не гладил по головке, а бил что есть силы. Что же ты к ним при этом – добрые чувства испытывал?

Сергей Евгеньевич с любопытством смотрел на спорящих, переводя взгляд с одного на другого. Разговор, несомненно, вызывал у него интерес. Нина Аверьяновна напряжённо вслушивалась в каждое слово.

– Вы, братцы, всё валите в одну кучу, – ответил Сергей, и его лицо на мгновение озарилось неизменно мягкой улыбкой. – Я не предлагаю подставлять другую щеку. Безнаказанность ведёт к вседозволенности. Ты, Слава, правильно заметил: мы дрались с отморозками, чтобы защитить девушку. Эти парни нам изначально не понравились, но на конфликт с ними мы пошли, когда возникла острая необходимость. Когда у Павла рушилась семья, его поступками руководили эмоции. И он, впусив в сердце ненависть, совершил то, за что потом долго расплачивался и, возможно, жалел о содеянном. Но уже в местах заключения он действовал по необходимости. Ему пришлось выбирать: либо получить дополнительный срок, либо позволить растоптать своё человеческое достоинство. И Паша сделал осознанный выбор. Зло необходимо останавливать. Но нельзя ослеплять себя ненавистью. Границы между добром и злом подчас настолько размыты, что сгоряча можно перепутать одно с другим. Человека агрессивного любой демагог, жонглируя возвышенными понятиями, легко направит в то русло, которое ему выгодно. И несчастный «борец за правду» будет остервенело крушить черепа тех, на кого ему укажет его истинный враг.

– Ты имеешь в виду Андрея? – спросил Ярослав.

– Да, Андрей яркий тому пример. Наверное, он искренний человек и настоящий патриот, болеющий душой за свою страну. Но его глаза затянуты пеленой злобы. На спинах таких людей немало проходимцев приехало к власти.

– Оказывается, до моего появления здесь происходили бурные события, – сказал Сергей Евгеньевич. – Ну что же, у вас была возможность лучше узнать друг друга. И, знаете, мне очень нравится ваша компания, – он с явной симпатией взглянул на Плетнёва. – А вы, Сергей Валентинович – мудрый человек. В наше время проповедников пруд пруди. Начитались умных книжек и начали учить других, как правильно жить. А в своей жизни порядка навести не могут. Вы не из их числа. Не знаю, какие пути привели вас к пониманию истины. Здесь в разговорах коснулись темы клинической смерти. Не секрет, что люди, побывавшие по ту сторону, воспринимают жизнь совсем иначе. Они обретают спокойствие, уравновешенность,

не поддаются негативным эмоциям, – теперь он повернулся к Веселову. – Что вы на это скажете, Ярослав Григорьевич? Вы же побывали «там»?

Ярослав задумался, вспоминая события почти двухлетней давности. Тогда он действительно едва не погиб по собственной глупости. Хотел как лучше...

Рабочий день приближался к концу. Народ в техническом отделе не то чтобы нервничал, но был слегка на взводе: конец года (декабрь перевалил за середину), а незавершённых дел – выше крыши. И вдруг на этаже погас свет. Компьютеры отключились. Местный остряк Миша Калошин отпустил шутку: мол, обещали в декабре две тысячи двенадцатого года конец света – так вот он, пожалуйста! Остальные сдержанно похихикали, но вряд ли кому-то стало по-настоящему весело. Дел-то невпроворот! Можно было подождать, когда освободятся электрики, но... оставаться на работе допоздна никому не хотелось. И Ярослав решил проявить инициативу.

Он нашёл причину аварии – перегорела проводка. Обнаружив место неполадки, решил устранить её собственными силами – дело-то несложное. Взаялся за работу, проявив недопустимую неосторожность – отключив рубильник, забыл нацепить на него предупреждение, чтобы не включали. И очень скоро замкнул на себе контакты. Сначала его ослепила яркая вспышка, а потом сознание стало медленно погружаться в темноту. Он ещё успел подумать, что лично для него конец света, кажется, уже наступил.

...Словно сквозь прозрачную стену неведомая сила продёрнула его в иное пространство. Он оказался на бескрайнем цветущем лугу. Запах травы, цветочные ароматы, невиданные прежде яркие краски окружающей природы восхищали его, поражали воображение. Страх, тревога, растерянность постепенно исчезали, словно растворялись в воздухе. Душу заполнило ощущение щемящей радости. Счастья! Он невесомо поплыл над травой – туда, где его ждало прекрасное светящееся существо с большими белоснежными крыльями за спиной. А потом... Потом он стремительно полетел обратно к невидимой стене в пространстве. Сознание опять погрузилось во тьму.

Когда он пришёл в себя, окружающий мир показался серым и отвратительным. В него не хотелось возвращаться. Сердце разрывалось от тоски. Врач назначил антидепрессанты.

На следующий день его выписали из больницы, переведя на дневной стационар. Жена со слезами радости бросилась ему на шею. Что говорить, тогда у них были совсем другие отношения. Трудно сказать, когда между ними появилась первая трещинка. Но она появилась, расплываясь со временем всё шире и шире. Лида всё чаще стала высказывать недовольство. «Ты стал другим, – говорила она. – Тебя словно подменили». Потом она уехала в очередную командировку в Москву и осталась там. А у Ярослава начались проблемы с квартирой, которую бывшая супруга решила отнять у него в пользу своей дочери. В чём же он так изменился, чтобы с ним поступали подобным образом? Может быть, это её, Лиду, подменили, пока он лежал в коме?

– Так что вы на это скажете? – повторил свой вопрос Сергей Евгеньевич.

Ярослав неуверенно пожал плечами.

– Не знаю. Я в себе не заметил больших перемен. Видимо, не достаточно сильно помер.

* * *

Уже наступила ночь, а им всё не спалось. Лежали на полках и переговаривались полупшёпотом, чтобы не беспокоить соседей. Сергей Евгеньевич с интересом выпросил подробности предшествующих его появлению событий. Трое его спутников, дополняя и поправляя друг друга, рассказали о произошедшем здесь инциденте. Ярослав с удивлением отметил, что одни

и те же события каждый из них троих запомнил по-своему. Видимо, любой человек воспринимает окружающий мир не так, как другие. Наверное, поэтому люди так часто не могут понять друг друга. Не об этом ли говорил Андрей? Ведь и данную ситуацию он, скорее всего, видел совсем иначе, чем они трое.

Павлуха свесил голову с полки и спросил, глядя на Плетнёва:

– Слышь, Сергей! А ты и вправду считаешь, что у меня с Юлей может что-то получиться?

– Моё мнение значения не имеет, – ответил Сергей. – Важно, как ты сам считаешь. Хочешь быть с нею – будь. Но одного желания мало. Чтобы найти взаимное понимание, люди должны соответствовать друг другу. Если Юля тебе небезразлична, подтягивайся до её уровня. Всё зависит только от тебя.

– Да мне и самому теперь интересно больше узнать, – горячо заговорил Павлуха. – Вот хотя бы эта Кали-Юга. Я ведь никогда прежде не слышал о ней. В мире так много всего, о чём я не знаю. Наверное, поэтому многого не замечаю. Вот, к примеру, Юля видит, что люди меняются в лучшую сторону, а я не вижу. Значит, я ещё не вышел на свет. Не закончилась для меня тёмная эпоха.

– Ты прав, Паша! Абсолютно прав! – живо отозвался Сергей. – Кали-Юга протекает не во времени и пространстве. Она в нас самих. Всё дело в том, в какую сторону мы движемся, к чему стремимся. Что впускаем в себя – Свет или тьму.

– Однако человек живёт не только внутренним миром, – возразил Сергей Евгеньевич. – Мы все являемся заложниками внешних обстоятельств. Если окружающий мир начнёт рушиться, мы погибнем вместе с ним, в какую сторону не двигались бы. Не спорю, надо стремиться к свету. Но розовые очки надевать не следует. Появление среди молодёжи таких людей, как наша милая попутчица, вселяет надежду. Но много ли их? Средства массовой информации неустанно ведут свою подрывную работу, продолжая оставаться в руках тех, кому выгодна нынешняя ситуация. Они умело играют на человеческих слабостях. И люди поддаются на уловки, даже не понимая, что их дёргают за ниточки. К сожалению, думающих людей совсем не много. И сила, увы, не на стороне тех, кто умеет думать.

– То есть в конец тёмной эпохи вы не верите? – спросил Ярослав.

– Нет, почему же? Всё рано или поздно приходит к своему концу. Наша цивилизация, как и все предыдущие, проходит полный цикл из четырёх эпох. Кали-Юга – последняя из них. Человечество неизбежно заходит в тупик. Технический прогресс и нравственная деградация идут рука об руку. Люди становятся опасными для планеты. Она вынуждена защищаться.

– Ах, вот как – Кали-Юга закончится неизбежной катастрофой! Я вас правильно понял?

– Да, это так. Мы на Земле – не первая цивилизация и, увы, не последняя.

Наступило короткое молчание, которое нарушил Сергей Плетнёв.

– Позволю себе не согласиться с вами. Конец света уже неоднократно предрекали. Сначала в двухтысячном году, затем в две тысячи первом и, наконец, в две тысячи двенадцатом.

– Да-да, помню. Даже дата была названа: двадцать первое декабря.

– Однако мы до сих пор живы.

Сергей Евгеньевич отнёсся к аргументу с иронией.

– Каждая из эпох длится даже не тысячи лет, как сказала Юля, а десятки, возможно даже – сотни тысяч лет, – сказал он. – При таких временных отрезках называть год катастрофы, а уж тем более конкретную дату, по меньшей мере, несерьёзно. Высшие силы вряд ли интересуются графиками, составленными людьми. У них свои резоны.

– Хорошо, не буду спорить, – согласился Плетнёв. – Оставим предсказания. Но ведь не только Юля, но и другие люди – и вы сами в их числе – заметили, что даже среди молодёжи есть те, кто тянется к свету. Тем более – старшее поколение, воспитанное на других ценностях. Взять, к примеру, тех же анastasиевцев. Они осознали пагубность нынешней цивилизации,

тянутся к земле, стремятся возродить отношения, основанные на древних традициях. И их течение растёт, набирает силу.

– Да, мне эта тема знакома. Раздать всем желающим по гектару земли, и жизнь наладится сама собой. Только где взять её на всех, землю-то? Население планеты стремительно увеличивается.

– Я говорю о России. У нас много земли. Хватит всем с лихвой.

– А другие страны? Рядом Китай со своим огромным населением. Япония давно смотрит жадными глазами на Дальний Восток. Про западные страны, и особенно США, и говорить не стоит – они никогда не питали к нам добрых чувств. Мы будем возрождать древние традиции, а они наращивать военную мощь. Как бы потом не пришлось поделиться территорией. Чьи традиции тогда будут на ней возрождаться?

– Вы упомянули высшие силы, – напомнил ему Ярослав. – Верите в то, что они существуют?

– А как же! – воскликнул Сергей Евгеньевич. – По большому счёту, все мы верим, что они есть. Даже отъявленные атеисты. Только называем по-разному: Вселенский Разум, Абсолют, Природа и, наконец, самое распространённое – Бог.

– И эти силы, по-вашему, способны уничтожить нас всех?

– Не думаю, что для них это будет слишком сложно...

– Да я не об этом, – нетерпеливо перебил собеседника Ярослав. – Сколько раз приходилось слышать, что Бог – это любовь. Что он любит каждого из нас. Предостерегает, направляет, приходит на помощь в трудную минуту. Как же он может позволить себе стереть нас с лица Земли, если его действиями руководит любовь?

– Высшие силы руководствуются целесообразностью. Их главная задача – сохранить равновесие во Вселенной. Ради спасения большого они готовы пожертвовать малым. Как бы вам объяснить... – Сергей Евгеньевич на несколько мгновений задумался. – Вот, представьте: в своём саду вы обнаружили муравейник. Для муравьёв вы в какой-то степени существо высшего порядка и можете существенно повлиять на их жизнь. Поскольку вы для них Бог – вы их, условно выражаясь, любите. Во всяком случае, относитесь к ним по-доброму: с интересом наблюдаете за их суетой, аккуратно обходите муравейник и, может быть, даже как-то ограждаете его, чтобы случайно не наступить. Но если муравьи начнут разносить тлю по вашим растениям, то вы постараетесь поскорее избавиться от них. А ведь муравейник – это целый мир, цивилизация со своими отношениями, порядками, законами. Со своим коллективным разумом. Вам неизбежно придётся выбирать. И выбор вы сделаете, уверяю вас, в пользу сада.

Ярослав задумался: «Да, в сущности, все мы муравьи, переносящие на своих спинах ненасытную тлю – паразитов, пожирающих окружающий мир и ведущих планету к гибели. Только вот зачем мы это делаем? За ту жалкую порцию сладости, которую тля бросает нам в качестве подачки? Или не понимаем, что творим? Неужели мы не видим или не хотим видеть, что это мы сами кормим тлю, способствуем её тлетворному влиянию? Мы соучастники в процессе разложения мира...».

Его мысли прервал Павлуха.

– А что, я согласен с Евгеньичем. Вокруг столько мрази развелось. Тля натуральная! Я таких сволочей повидал, которых и людьми назвать нельзя. Их уже не исправишь – дохлый номер. Уничтожать надо, чтобы не поганили вокруг. Бог накажет людей за то, что позволяют таким землю топтать. Я так думаю: Будет Страшный Суд. Верно, Евгеньич?

Ярослав грустно усмехнулся.

– Судя по тому, о чём мы здесь говорили, судить и наказывать нас никто не будет. Нас попросту сотрут с лица Земли, исходя из осознанной необходимости. Деловито и без лишних эмоций. Возможно даже – с любовью.

Сергей Евгеньевич негромко рассмеялся.

– Понимаю вашу иронию, Ярослав Григорьевич. Но, увы, всё обстоит именно так. Выбор невелик. Либо уничтожают нас, либо мы уничтожаем планету и себя вместе с ней. Человек оторвался от природы, стал пренебрегать её законами. Он стремится произвести и продать как можно больше товаров, которые быстро устаревают и превращаются в отходы. Земля не в состоянии их переработать. Даже продукты питания становятся несъедобными. Из недр непрерывно черпаются ресурсы, чтобы, недолго послужив, пополнить бесчисленные свалки. В старые времена вещи стоили дорого и делались добротны. Они много лет служили своим хозяевам, передавались по наследству. Но производителям это стало невыгодно. Они навязали нам свою схему: купил – попользовался – выбросил – купил новую вещь. И так далее. Потребление стало общей религией для всех землян, независимо от вероисповедания.

– Человечество выбрало не ту дорогу, – сказал Сергей Плетнёв. – Древние люди знали значительно больше, чем мы. Они умели слышать Землю, понимали её язык. Поклонялись ей, потому как знали: живая она. Любое дело начинали, испросив благословения да с молитвой. Современная жизнь лишает человека духовности, уводит его от истинной веры. Но это не значит, что на человечестве будет поставлен крест. Юля правильно заметила – люди меняются. В погоне за материальными благами человек неизбежно сталкивается с разочарованием, начинает осознавать ошибочность своих стремлений, задумывается над смыслом жизни и, рано или поздно, приходит к Богу.

– А уж желающих привести его к Богу хоть отбавляй, – тут же отозвался Сергей Евгеньевич. – И каждый в свою сторону тянет. Тут вам и христианство, и буддизм, и кришнаиты. Сект различных не счесть. Ловцы человеческих душ. Языки-то у них хорошо подвешены. Помечется наш новый богоискатель, да и, глядишь, приткнётся к какой-нибудь вере. Только вот разочарование на этом пути может оказаться куда более тяжёлым.

– Да, я не спорю, – согласился Плетнёв. – Религия – очень острый и опасный инструмент. Всё дело в том, *что* ищет человек. Те, кто считают, что верить в Бога – это крестить лоб и бить поклоны, неизбежно вливаются в стадо овец, которым нужен пастырь. И плетутся они за своим пастухом безропотно, куда бы он их не вёл – к Богу или в противоположную сторону. Настоящая вера не может быть слепой. Она всегда осознанна. Верить в Бога, служить ему – значит, жить с Богом в душе. Испытывать добрые чувства и бережно относиться ко всему живому. Видеть и ценить красоту. Радоваться каждому прожитому дню. Быть добрым, щедрым, благодарным. Навсегда убрать из обихода злобу, зависть, раздражение, обиду, уныние – всё, что отравляет человеку жизнь, делает его несчастным. Многие начинают понимать это.

Ярослав почувствовал досаду. Стараясь по возможности скрыть раздражение, сказал:

– Извини, Сергей, но сейчас ты говоришь правильную банальщину. Уже много раз мне приходилось слышать умные советы, не имеющие ничего общего с окружающей реальностью. Легко говорить правильные слова со стороны, бесстрастно, когда тебя *самого* проблема не касается никаким боком. Только я неоднократно видел, как подобные проповедники напрочь забывали про свои умные наставления, когда сами оказывались в критической ситуации. Теоретически я с тобой согласен: надо всех любить и бережно относиться. Это по-человечески. Или, если тебе угодно, по-божески. Вот только на практике с всеобщей любовью не очень получается, когда те, кого ты вознамерился возлюбить, систематически отравляют тебе жизнь.

Сергей ответил как всегда спокойно:

– Прежде чем возлюбить весь мир, надо научиться *себя* любить. Человек должен уметь защищать себя, свои интересы – то есть останавливать тех, кто на них посягает. Если требуется – жёстко останавливать. Но без злобы и обиды, а по осознанной необходимости. Мы уже обсуждали эту тему.

– Да, конечно, – вынужден был согласиться Ярослав. – Чиновники, отнимающие у тебя землю. Хулиганы в вагоне. Тут, не спорю, ты был на высоте. Спокоен, как удав – ни злобы, ни агрессии. И действовать можешь жёстко, когда люди не хотят понимать по-другому. Но то –

люди. А как, к примеру, быть с муравьями, разносящими тлю по моему саду? Они живут по своим инстинктам и, вроде как, ни в чём не виноваты. Как же поступить? С любовью в сердце полить муравейник кипятком?

Эти слова неожиданно вызвали у Сергея весёлое оживление.

– У тебя в саду действительно есть муравейник? – спросил он.

– У меня и сада нет. Но это не имеет значения. Тебя-то наверняка касался подобный вопрос. Поделись опытом.

Было темно, но Ярослав почувствовал, что Сергей опять улыбается.

– Верно, касался. Возможно, Слава, то, что я скажу, покажется тебе смешным и даже глупым. Так вот, я в первую очередь прошу прощения у муравьёв за то, что вынужден разрушить их обустроенный мир. Потом осторожно, чтобы не подавить их, загружаю муравейник в тележку и отвожу его в лес. Понятно, что он будет разрушен, и муравьям придётся строить всё заново, но это минимальный ущерб, который я могу им нанести.

– А как же тля? Её тоже в лес отвозишь на тележке? Извиняешься перед ней?

– Нет, Слава, тлю я уничтожаю. Не надо путать божественное с глупостью. Однако, согласись, ненавидеть тлю и злиться на неё тоже не очень разумно.

– Слышь, Сергей! – подал голос Павлуха. – А всё-таки что ты думаешь про конец света?

– Хочешь послушать, как мы спорим с Сергеем Евгеньевичем? – весело спросил Плетнёв.

– Да не. Спит он. Просто мне интересно.

– Я думаю, Паша, всё будет зависеть от самих людей, – сказал Сергей уже серьёзно. – Какой путь человек выберет, такая участь его и ждёт. Кто тянется ко всему светлому, чистому, высокому – увидят Свет. А те, которые будут продолжать потворствовать тёмным инстинктам, низменным страстям, негативным эмоциям – уйдут во тьму. Для них наступит конец света.

– Слав, ты тоже так думаешь? – спросил Павлуха, свесившись головой, чтобы в полутьме увидеть Ярослава.

– Пожалуй... мне хочется так думать, – ответил Ярослав. – Должна же у нас быть возможность повлиять на свою судьбу. У тли – нет, не может быть такой возможности. Тля должна быть уничтожена. А мы не тля. Мы муравьи. Значит, высшие силы, о которых говорил Сергей Евгеньевич, вполне могут оставить нас в живых, даже если наш муравейник им придётся разрушить.

Впервые за последнее время он почувствовал вместо глухого отчаяния и безысходности уверенность в том, что сможет устоять против людей, бывших ему когда-то близкими, но ставших врагами. Они разрушили его мир, но растоптать себя он им не позволит. Ярослав с ожесточением стиснул зубы. Чёрт возьми, как тут обойтись без ненависти?! Надо быть роботом, чтобы к подобным существам не испытывать негативных эмоций.

– Да, – сказал Павлуха. – Это было бы правильно, по понятиям. Ведь если наступит светлая эпоха, кто же должен в ней жить, как не светлые люди? Эх, успеть бы избавиться от черноты! Много я её нацеплял.

Он покинул вагон ближе к утру – поезд прибыл в Омск. Расстались по-приятельски тепло. Прежде, чем уйти, Павел крепко пожал руки попутчикам – Ярославу и Сергею – и с чувством произнёс:

– А знаете, ребята, я ведь должен был уехать другим поездом. У меня и билет уже был куплен. Да засиделся за разговором с бывшим своим врагом. Спыхватился – времени в обрез. Поймал такси – думал, так быстрее доберусь до вокзала. А там у них сплошные пробки. Короче, опоздал я на тот поезд. Сначала страшно злился на себя, что на метро не поехал. А теперь даже рад, что так вышло. Тот поезд был не мой. Вот здесь, с вами, я и должен был ехать, – он чуточку помолчал, чтобы справиться с волнением. – У меня же в душе словно форточка распахнулась – хорошо стало, свежо. Теперь я понял – нет, только начинаю понимать – какая дорога к Богу

ведёт. По ней и пойду. А если буду сбиваться, Юля поможет мне стать на правильный путь. Не зря же она оставила свой адресок. Значит, увидела во мне что-то.

Он ушёл.

Глядя в окно, как Павлуха с дорожной сумкой шагает по перрону в сторону вокзала, Ярослав вдруг почувствовал, что ему очень-очень хочется, чтобы у этого ещё довольно молодого, но уже много пережившего человека наступила в жизни светлая полоса.

– Всё у него будет хорошо, – словно прочитав его мысли, сказал Сергей. – В душе этого парня есть искра Божья. Она приведёт его к Свету.

Глава 6. Окно в другой мир

Они проснулись, когда было уже почти двенадцать.

– Однако! – весело воскликнул Сергей Евгеньевич. – Крепки же вы на сон, добры молодцы.

Ярослав огляделся. Места Павлухи, Ивана Соломоновича и Нины Аверьяновны занимали другие пассажиры.

– Соседка-то наша очень переживала, что не получилось проститься с вами, – продолжал Сергей Евгеньевич. – Будить постеснялась. Просила меня передать вам самые лучшие пожелания.

Через четверть часа, выполнив необходимые после сна процедуры, они втроём пили чай. Разговаривали, главным образом, два Сергея. Ярослав задумчиво бряцал ложечкой в стакане, словно размешивая уже давно растворённый сахар.

– Ты о чём задумался? – спросил его Плетнёв.

– Да так, вспомнил кое-что из вчерашнего разговора, – Ярослав повернулся к Сергею Евгеньевичу. – Вы вчера сказали, что Гитлер пришёл к власти на деньги евреев. Как такое может быть?

Сергей Евгеньевич понимающе кивнул и сказал:

– Вам это кажется странным? Но это действительно так. Не удивляйтесь, здесь нет противоречия.

– Как же нет? Разве они не знали, что он ярый антисемит?

– Знали.

Ярослав в недоумении покачал головой.

– Это похоже на бред. Получается, что евреи вскормили собственного палача, заведомо зная, что он будет с ними расправляться.

– Всё объясняется очень просто: вскормили его одни евреи, а расправлялся он с другими.

– Он их что – сортировал? Выборочно ненавидел? – не удержался от сарказма Ярослав.

Сергей Евгеньевич засмеялся шутке и стал объяснять:

– Гитлер ненавидел всех евреев. Просто те, кто его спонсировал, были для него недосыгаемы. Хотя, конечно, в случае своей полной победы он мог и до них добраться. Я думаю, что в определённый момент им пришлось пережить страх.

– Но зачем им это было нужно? Ладно, ещё как-то можно объяснить неприязнь других народов к евреям – какие только грехи на них не навешивают. Но когда их подставляют свои же... Мне это непонятно.

– Видишь ли, Слава, – осторожно заговорил Сергей Плетнёв, – эта тема уходит корнями в далёкое прошлое. У еврейского народа свой путь, своя история, своё мировоззрение, подчас остро противоречащее интересам других народов. Это слишком долгий разговор. Мы просто не успеем всё обсудить. Но, согласись, если самые разные нации навешивают, как ты выразился, все грехи на одну конкретную, то вряд ли это может быть случайным совпадением. Славяне в древности строго блюли чистоту своей расы. И особенно предостерегали своих соплеменников от связей с людьми с серой и чёрной кожей.

Ярослав хмыкнул.

– Ты, друг мой, рассуждаешь как Андрей. Неужели свою историю, свои традиции, свой народ нельзя любить без противопоставления, без ненависти к другому народу?

– У меня нет ненависти к евреям, – возразил Сергей. – Они такие, какие есть. У них своя психология, свой взгляд на жизнь. На то есть причины и, в конце концов, они имеют на это право. Но я не хочу, чтобы их кровь смешивалась со славянской. Кровь – носитель информации. Она несёт в себе память об истории народа, его нравах, традициях, духовных устремле-

ниях. Смешивая свою с чуждой нам кровью, мы вносим сбой в программы, заложенные в нас нашими мудрыми предками. Падение нравов началось тогда, когда русичи стали нарушать эти древние заповеди. Именно в тот период материальные интересы стали постепенно выходить на первый план, тесня духовные потребности. Чужие нравы, обычаи, словно компьютерные вирусы, внесли сбой в отлаженную программу древней культуры нашего народа.

– И поэтому ты считаешь, что гонения на евреев не случайны и вполне оправданы? – спросил Ярослав.

– Я сказал, что гонения не случайны, но не говорил, что оправдываю их, – уточнил Сергей. – Кроме того, я считаю, что к каждому человеку следует относиться как к конкретной личности, независимо от национальности, вероисповедания, политических взглядов. Среди любого народа есть герои и подонки. Хулиганы, с которыми нам вчера пришлось столкнуться, были, скорее всего, той же национальности, что и мы.

– Да, вчерашние отморозки были славянами, – ухватился за его слова Ярослав. – Но, как по этому поводу сказал Андрей, даже в появлении таких подонков тоже виноваты евреи.

Сергей с трудом удержался от улыбки.

– Слава, почему тебя так волнует еврейский вопрос?

– Да не еврейский вопрос меня волнует. Мне просто осточертела наша российская привычка искать виноватых на стороне и все свои промахи объяснять происками врагов. Это ведь значительно легче, чем признаться в собственной глупости, нерадивости и лени. Вешать ярлыки большого ума не надо. Как может целая нация быть плохой?

– Вы, Ярослав Григорьевич, читали «Обитаемый остров» братьев Стругацких? – спросил Сергей Евгеньевич.

– Я видел фильм.

– Очень хорошо! Так вот, там реально показана ситуация, аналогичная нашей теме. Основная часть еврейского народа, не осознавая того, живёт по давно запущенной программе. Эта программа лишает их духовных устремлений, обязывает стремиться к обогащению любым путём, жить узконациональными интересами в ущерб интересам других народов. Почитайте «Протоколы Сионских мудрецов». Существуют даже конкретные инструкции, как, например, «Катехизис поведения еврея в СССР». Вы правы: не может целая нация быть плохой. Просто люди, сами того не осознавая, слепо выполняют чужую волю. Но в настоящее время среди них всё больше появляется тех, на кого эта программа не действует. Таких людей уже не прельстишь наживой, не повяжешь кровным родством, не обманешь лживыми посулами. Они уважают страну, в которой живут, интересуются историей её народа, считают себя его частью. Я полагаю, именно это имел в виду Сергей Валентинович.

– Ладно, пусть так, – согласился Ярослав. – Зомбированный народ слепо выполняет чью-то волю. Видимо, кому-то это очень нужно. Но зачем их верхушке понадобился Гитлер? Зачем они своих соплеменников подставили под удар?

– Подставляли и будут подставлять, – уточнил Сергей Евгеньевич и спросил: – Вы что-нибудь знаете о федеральной резервной системе Соединённых Штатов?

Ярослав пожал плечами. Где-то он слышал этот термин, но теперь даже не помнил, что он означает. Занятый в последние два года своими личными проблемами, он мало интересовался мировыми вопросами.

– Нет, – признался он. – Просветите меня.

– Эта организация была создана для борьбы с кризисами путём регулирования количества денежной массы. Примерно сто лет назад правительство США передало её в частные руки. Несколько олигархических семей получили право печатать доллары. О Ротшильдах, Рокфеллерах, Морганах вы наверняка слышали. Рассуждать о том, сколько у них денег, нет смысла – в их руках печатный станок. А поскольку доллар является международной валютой, при помощи его эти люди, по существу, правят миром.

– Вы хотите сказать, что они могут печатать деньги бесконтрольно? – с удивлением спросил Ярослав.

– Вот именно! Сколько потребуется в определённый момент, столько и напечатают. Это позволяет Соединённым Штатам паразитировать на всём мире.

– Но это же абсурд! Избыток денежной массы неизбежно привёл бы к инфляции. А я что-то не заметил, чтобы доллар ощутимо девальвировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.